

Бертольд Брехт

Швейк во Второй мировой войне

Перевод А. Голембы и И. Фрадкина

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Швейк - торговец собаками в Праге.

Балоун - его друг, фотограф.

Анна Копецка - хозяйка трактира "У чаши".

Молодой Прохазка - ее поклонник, сын мясника.

Бретшнейдер - агент гестапо.

Буллинггер - шарфюрер войск СС.

Анна - служанка.

Кати - ее подруга.

Гитлер.

Гиммлер.

Геринг.

Геббельс.

Фон Бок.

Второстепенные персонажи.

ПРОЛОГ В ВЫСШИХ СФЕРАХ

Воинственная музыка. Гитлер, Геринг, Геббельс и Гиммлер вокруг глобуса. Все они сверхъестественных размеров, кроме Геббельса, который мал до невероятия.

Гитлер.

Господа коллеги, поскольку несколько ранее

Я железной рукой покорил Германию

То на очереди теперь весь мир остальной.

Расстояния нам не помеха,

Танки, штурмовики и крепкие нервы - вот в чем
залог успеха!

(Он кладет руку на глобус. По глобусу расплзается
кровавое пятно.)

Геринг, Геббельс и Гиммлер кричат "хайль!"

Но, пока это у меня не вылетело из головы,

Отвечайте мне, шеф полиции, каковы

Чувства м а л е н ь к о г о ч е л о в е к а как моей
великой персоне?

Не только здесь, на отеческом лоне,

Но также у чехов и австрияков?

Везде ли восторг одинаков?

Дорог ли я этим мелким людишкам?

Любят они меня или не слишком?

Пойдут ли они за мной в огонь и воду

Или покинут меня, моим антиподам в угоду?

Как они относятся ко мне - душ их инспектору,

Государственному мужу, полководцу, оратору и
архитектору?

Словом: как они на меня взирают?

Гиммлер.

С воодушевлением.

Гитлер.

Готовы ли они к жертвам и лишениям,
Рады ли они каждой жертве тяжкой,
Расстанутся ли они с последней рубашкой,
Которая мне может понадобиться для моих
предприятий.

Ведь при всей моей гениальности

Я нуждаюсь в помощи своих скромных собратий,

Воюя, смогу ли я на них опираться?

Гиммлер.

В этом не смею я сомневаться.

Гитлер.

Хочу надеяться. Однако все же,

Когда в часы бессонницы я ворочаюсь на своем
ложе,

Донимает меня, неотвязней всех прочих вопросов
странных,

Вопрос: что говорит обо мне м_а_л_е_н_ь_к_и_й

ч_е_л_о_в_е_к в европейских странах?

Гиммлер.

Мой фюрер, он любит вас, на вас все его
упования,

Европа вас любит точь-в-точь как Германия.

Она обожествить вас готова, право...

Геринг, Геббельс, Гиммлер.

Слава фюреру! Слава! Слава!

I

В трактире "У чаши" завтракают Швейк и Балоун. Хозяйка Анна Копецка
обслуживает пьяного эсэсовца. У стойки сидит молодой Прохазка.

Копецка. Пять кружек пльзенского вы уже выпили, ну и хватит с вас. Не умеете вы
много пить.

Эсэсовец. Еще кружку принесите. Учтите: это приказ, понятно вам, что это значит?
Если вы будете благоразумны и перестанете рыпаться, вы об этом не пожалеете, я вас
посвящу в тайну.

Копецка. Я не желаю ничего знать. Я вам потому и не даю больше пива, чтобы вы не
выбалтывали ваши тайны, а мне не пришлось за это отвечать.

Эсэсовец. Ну то-то! Это вы умно рассудили; лучше я и сам не смог бы вам
посоветовать. Кто узнает эту тайну, будет расстрелян. В Мюнхене было покушение на
Адольфа. Еще бы чуть-чуть, и готово - спекся!

Копецка. Помолчите-ка лучше. Вы пьяны.

Швейк (очень любезно, из-за соседнего столика). Простите, это о каком Адольфе идет
речь? Я знаю двух Адольфов. Один был приказчиком у аптекаря Пруши, а сейчас он в
концлагере; он, говорят, хотел продавать концентрированную соляную кислоту только
чехам. И потом я знаю еще Адольфа Кокотку, сборщика собачьего дерьма. Он тоже в
концлагере; он будто утверждал, что самое лучшее дерьмо - у английского бульдога. Обоих
мне не жалко.

Эсэсовец (поднявшись и вытянув руку). Хайль Гитлер!

Швейк (также поднявшись и вытянув руку). Хайль Гитлер!

Эсэсовец (угрожающе). Вам, кажется, что-то не нравится?

Швейк. Никак нет, пан эсэсовец, мне все очень нравится.

Копецка (принеся кружку пива). Получите вашу кружку пльзенского, теперь уж все
равно. Но только сидите спокойно и не выбалтывайте секретов вашего фюрера, которых,
кстати, никто и знать не хочет. Здесь не место политике. Я честная трактирщица: если кто

придет и закажет пива, я ему подам, а остальное меня не касается.

Молодой Прохазка (когда она снова стала за стойку). Зачем вы им мешаете, пани Анна? Пускай люди развлекаются как хотят.

Копецка. А затем, пан Прохазка, что нацисты возьмут да и прихлопнут мою "Чашу"!

Швейк (уселся снова). Если это было покушение на Гитлера, оно бы удалось.

Копецка. Помолчите, пан Швейк, вас это меньше всего касается.

Швейк. А я все же думаю, не потому ли это случилось, что картошки не хватает. Без нее ведь ни туда ни сюда. А кто виноват? Только порядок, потому что все рационировано, и любой паршивый пучок зелени значится в продовольственной карточке. Одним словом, порядок образцовый, я даже слышал, что Гитлер сумел создать такой порядок, который выше сил человеческих. А там, где всего вдоволь, там не бывает порядка. Если я только что продал таксу, то в кармане у меня и бумажные кроны шуршат и мелочь звенит - и все вперемешку; а вот если я на мели и есть у меня, может, только одна крона и один медяк, то откуда же тут взяться беспорядку? В Италии, после того как к власти пришел Муссолини, поезда стали ходить точно по расписанию. На него было уже не то семь, не то восемь покушений.

Копецка. Пейте свое пиво и не валяйте дурака. Ведь случись что-нибудь неладное, нам всем придется из-за вас кашу расхлебывать.

Швейк. Мне вот только непонятно, Балоун, почему ты при этом известии нос повесил. Во всей Праге не найти второго такого чудака.

Балоун. Вам, конечно, легко говорить, что во время войны с продуктами бывает туго, а я вот со всеми моими продкарточками и двумястами граммами мяса в неделю с прошлогоднего сочельника еще ни разу не пообедал как следует! (Указывая на эсэсовца.) Этим-то и горя мало, ты только взгляни, какие они упитанные. Мне нужно его кое о чем расспросить. (Подходит к эсэсовцу.) Сосед, разрешите только узнать, что вы кушали в обед, отчего это у вас такая жажда? Небось что-нибудь сильно поперченное. Может, гуляш? А?

Эсэсовец. Вас это не касается, это военная тайна. Рубленый шницель.

Балоун. Под соусом? Вероятно, со свежими овощами? Я не хочу, чтобы вы разглашали тайну, но капуста, надеюсь, была мелко нашинкована? Ведь именно в этом весь секрет. Помню, как-то в Пардубицах - это было, извините, еще до Гитлера, - в ресторане "Лебедь", я отведал однажды шницель. Так он был даже лучше, чем у Платнера.

Копецка (обращаясь к Швейку). Уведите, пожалуйста, пана Балоуна подальше от этого эсэсовца. Вчера он все ввязывался в разговор с паном Бретшнейдером из гестапо, - кстати, не понимаю, почему его сегодня нет. Так вот, пан Балоун так долго выспрашивал о продовольственных рационах в германской армии, что его чуть было не арестовали как шпиона.

Швейк. Тут уж ничего не поделаешь, Чревоугодие - его неодолимый порок.

Балоун (эсэсовцу). Вы не знаете, правда ли, что чешские добровольцы, которых немцы вербуют для похода на Россию, получают такое же довольствие, как немецкие солдаты? Или это ложный слух?

Копецка. Пан Балоун, не приставайте вы к нему; он ведь не на службе. И вообще постыдились бы вы, как чех, задавать ему такие вопросы.

Балоун (с виноватым видом). Что вы, пани Копецка, у меня и в мыслях не было ничего дурного. Иначе я не стал бы так прямо спрашивать - я ведь знаю ваши убеждения.

Копецка. У меня нет убеждений, у меня есть трактир. Я хочу лишь, чтобы "посетители соблюдали хотя бы элементарное приличие, а вы уж бог знает до чего дошли, пан Балоун!

Эсэсовец. Вы хотите вступить в легион?

Балоун. Я просто так спросил.

Эсэсовец. Если это вас интересует, я вас провожу на вербовочный пункт. Довольствие вы будете иметь самое первоклассное. Ведь Украина станет житницей Третьей империи. Когда мы стояли в Голландии, я посылал домой столько посылок, что кое-что перепало даже моей тетке, которую я вообще не выношу. Хайтлер!

Балоун (вставая за ним). Хайль Гитлер!

Швейк (подойдя к Балоуну и эсэсовцу). Надо говорить не "хайль Гитлер", а "хайтлер", как этот господин, который в таких делах знает толк. Тогда сразу будет видно, что для тебя это дело привычное и что ты всегда так выражаешься, даже дома и во сне.

Копецка (приносит эсэсовцу стопку сливовицы). Пейте, прошу вас.

Эсэсовец (обнимает Балоуна). Ты, стало быть, хочешь пойти добровольцем против большевиков? Одобряю. Ты, правда, чешская свинья, но ты разумен. Я отправляюсь с тобой на вербовочный пункт.

Копецка (заставляя его снова сесть). Пейте свою сливовицу, это вас успокоит. (Обращаясь к Балоуну.) У меня прямо руки чешутся вышвырнуть вас отсюда. Чести и достоинства нет у вас ни на грош, и все из-за вашего сверхъестественного обжорства. Неужели вы не слышали песню, которую сейчас повсюду поют? Так я вам ее спою сейчас: вы выпили всего лишь две кружки пива, и голова у вас пока еще должна бы соображать. (Поет песню "О жене фашистского солдата".)

А ЧТО ПОЛУЧИЛА СОЛДАТКА?

А что получила солдатка

В подарок из Праги седой?

Волшебные туфли прислал ей супруг,

Лощеная кожа, точеный каблук,

Подарок из Праги седой.

А что получила солдатка

В подарок из польских краев?

Пришла к ней посылка с рубашкой льняной,

Узор вырезной на рубашке льняной,

Подарок из польских краев!

А что получила солдатка

Из Осло, где фьорд и гранит?

Из Осло пришел меховой воротник,

Как к шее приник меховой воротник

Из Осло, где фьорд и гранит!

А что получила солдатка

Из тучного Роттердама?

К ней шляпка оттуда пришла в свой черед,

Та шляпка как чудо к лицу ей идет,

Голландская, из Роттердама!

А что получила солдатка

Из Брюсселя в бельгийской стране?

Оттуда солдат ей прислал кружева:

Любовь какова! Хороши кружева

Из Брюсселя в бельгийской стране.

А что получила солдатка

Из Парижа, где ночью светлынь?

Соседке на зависть, не платье, а сон,

Не платье, а сон, элегантный фасон

Из Парижа, где ночью светлынь,

А что получила солдатка

Из Ливии знойной в презент?

Из Триполи к ней прилетел талисманчик,

Солдат не обманщик, прислал талисманчик

Из Ливии знойной в презент.

А что получила солдатка

Из строгой российской земли?

Пришла из России к ней вдовья вуаль,
Пришла к ней печаль в чужедальнюю даль
Из строгой российской земли.

Эсэсовец победоносно кивает после каждой строфы, но перед последней он уже вдруг пьян, и голова его бессильно падает на стол.

Швейк. Прекрасная песня. (Обращаясь к Балоуну.) Она тебе ясно доказывает, что нужно семь раз обдумать, прежде чем совершить нечто необдуманное! Ты смотри, не вздумай ради больших рационов отправиться вместе с Гитлером в Россию: там ты замерзнешь и околеешь, болван.

Балоун (песня его потрясла, и он, положив голову на скрещенные руки, начинает всхлипывать). Боже, боже! До чего меня доведет мое обжорство? Со мной нужно что-то сделать, иначе я пропал. Я не в силах больше быть хорошим чехом на голодный желудок.

Швейк. Если бы ты поклялся девой Марией, что ты никогда, ни из-за какой жратвы не вступишь в легион, ты бы слово сдержал. (Обращаясь к Копецкой.) Он очень набожный. Но поклянешься ли ты? Конечно, нет.

Балоун. Вхолостую я не могу клясться - это совсем не так просто.

Копецка. Это - позор! Ведь вы же взрослый человек.

Балоун. Взрослый, но слабый.

Швейк. Если бы мы могли сунуть тебе тарелку жареной свинины - дескать, жри, ничтожество, но поклянись, что ты останешься хорошим чехом, - ты б наверняка поклялся, настолько-то уж я тебя знаю. Но, конечно, так, чтобы тарелку придерживать и сейчас же отнять, если ты не будешь клясться, - вот это бы на тебя подействовало.

Балоун. Это верно. Но только чтобы потом свинина была моей.

Швейк. И для того чтобы ты сдержал клятву, ты должен стать на колени перед всем народом и возложить руки на Библию - так, что ли?

Балоун утвердительно кивает.

Копецка. Не попробовать ли помочь вам? (Возвращается к молодому Прохазке.)

Молодой Прохазка. Стоит мне только услышать, как вы поете, и я уж сам не свой.

Копецка (рассеянно). Почему?

Молодой Прохазка. Любовь.

Копецка. А откуда вы знаете, что это любовь, а не просто блажь?

Молодой Прохазка. Знаю! Вчера вы у меня из головы не выходили, и я завернул одной покупательнице вместо шницеля ее же собственную сумку и получил за это нагоняй от отца. А по утрам у меня болит голова. Это любовь.

Копецка. А много ли у вас, спрашивается, этой самой любви?

Молодой Прохазка. Я что-то вас не понимаю.

Копецка. Я спрашиваю, на много ли хватит вашей любви? Может, как уже бывало, на один раз, высморкаться - и все.

Молодой Прохазка. Пани Анна, не терзайте мое сердце такими злыми упреками. Моей любви хватит на все, только бы вы ответили на нее взаимностью. А этого-то как раз и нет.

Копецка. Меня интересует, хватит ли ее, например, на два фунта вырезки.

Молодой Прохазка. Анна! Как вы можете в такой момент говорить о таких грубых материальных вещах!

Копецка (отвернувшись и считая бутылки). Ну видите, для вас это уже слишком много.

Молодой Прохазка (пожимая плечами). Я вас опять не понимаю. Уж больно туманно вы говорите.

Балоун. Моя прожорливость не с этой войны началась, это застарелая болезнь. Из-за нее моя сестра, у которой я в ту пору жил, ходила с детьми в Клокоты в престольный праздник. Но даже и это не помогло. Сестра с детьми возвратилась с праздника и принялась считать кур. Одной или двух она недосчиталась. Но тут я ничем не мог ей помочь, я знал, конечно, что куриные яйца вещь в хозяйстве необходимая, но стоило мне только выйти из дому, увидеть курицу, как я мгновенно ощущал в желудке бездну, и через час мое душевное

равновесие восстанавливалось, а курице - аминь! Видимо, мне уже ничем нельзя помочь.

Молодой Прохазка. Пани Анна, вы это серьезно говорите?

Копецка. Совершенно серьезно.

Молодой Прохазка. Когда вам нужны эти два фунта вырезки? Завтра?

Копецка. Не слишком ли опрометчиво ваше обещание? Значит, вы хотите вынести из лавки вашего папаша два фунта мяса без разрешения и мясного талона, а теперь это считается спекуляцией и за это дело положен расстрел, если только это всплывет.

Молодой Прохазка. Неужели вы думаете, что я не пошел бы на расстрел ради вас, если бы знал, что этим смогу у вас хоть чего-нибудь добиться?

Швейк и Балоун следили за разговором.

Швейк (с похвалой). Вот таким и должен быть влюбленный. В Пльзене один молодой человек повесился в сарае из-за вдовы уже даже не первой молодости, потому что она в беседе с ним обронила как-то, что он ничего не готов сделать ради нее, а в "Медведе" один тип - он был отец семейства - вскрыл себе вены в нужнике, потому что кельнерша лучше обошлась с другим гостем. А через несколько дней двое бросились в Влтаву с Карлова моста из-за одной особы, но тут уже были замешаны деньги, она была, как я слышал, весьма зажиточная.

Копецка. Я скажу - такое не каждый день приходится слышать женщине, пан Прохазка.

Молодой Прохазка. Поверьте мне! Я принесу завтра в полдень, не поздно это будет?

Копецка. Я не хотела бы, чтобы это вам повредило, но ведь это ради доброго дела, не для меня самой. Вы сами слышали, что пан Балоун должен получить настоящий мясной обед, иначе его одолеют скверные мысли.

Молодой Прохазка. Значит, вы не хотите, чтобы я подвергал себя опасности. Так вы сказали, я не ошибаюсь? Значит, вам будет не безразлично, если я буду расстрелян, не берите своих слов обратно, вы осчастливили меня ими! Пани Анна, решено, вы обязательно получите жаркое, пусть я даже околею из-за этого.

Копецка. Приходите завтра в полдень, пан Балоун, я ничего вам не обещаю, но обед, кажется мне, для вас будет.

Балоун. Если бы я только один-единственный разочек получил жаркое, все скверные мысли вылетели бы у меня из головы. Но я не стану преждевременно радоваться, я и так слишком много претерпел в жизни.

Швейк (показывая на эсэсовца). Я думаю, он все забудет, когда проснется, он пьян в стельку. (Кричит ему в ухо.) Да здравствует Бенеш!

Тот не шевелится.

Это вернейший признак, что он без сознания, иначе он бы меня в землю втоптал, так они тут всего боятся!

Входит агент гестапо Бретшнейдер.

Бретшнейдер. Кто всего боится?

Швейк (уверенно). Эсэсовцы. Присаживайтесь к нам, господин Бретшнейдер... Принесите ему кружку пльзенского, пани Копецка, нынче что-то жарковато.

Бретшнейдер. Чего же они боятся, по вашему мнению?

Швейк. Боятся проявить невнимательность и пропустить мимо ушей высказывания, содержащие в себе зародыш государственного преступления или еще чего, откуда мне знать. Но, может, вы хотите, чтобы никто не мешал вам читать вашу газету, а я отвлекаю вас?

Бретшнейдер (усаживается с газетой). Мне никто не помешает, если то, что он говорит, интересует меня. Пани Копецка, вы сегодня снова выглядите как майский ландыш,

Копецка (подавая ему пиво). Скажите лучше, июньский.

Молодой Прохазка (когда она возвращается за стойку). Я на вашем месте не разрешал бы ему таких вольностей.

Бретшнейдер (раскрывает газету). Это экстренный выпуск. На фюрера было произведено покушение в мюнхенской пивной. Что вы на это скажете?

Швейк. И долго он мучился?

Бретшнейдер. Он остался невредим - бомба поздно взорвалась.

Швейк. Небось какая-нибудь дешевая, продукт современного массового производства. А потом удивляются, что качество не то. Почему, спрашивается, такой предмет не был изготовлен любовно, как прежде бывало, при ручном производстве? Я не прав, скажете? А вот то, что они для такого случая не подобрали бомбы получше, так это уж прямо халатность с их стороны. В Чешском Крумлове один мясник решил однажды...

Бретшнейдер (перебивает его). Если фюрер был почти убит, так это вы называете халатностью?

Швейк. "Почти" - это обманчивое слово, господин Бретшнейдер. В тысяча девятьсот тридцать восьмом году, когда наши милые друзья нас продали в Мюнхене, мы уже "почти" было воевали, но только "почти" - вот и остались на бобах. Еще в первую мировую войну Австрия "почти" победила Сербию, а Германия "почти" победила Францию. Нет, на "почти" далеко не уедешь.

Бретшнейдер. Продолжайте, продолжайте. Оч-чень любопытно. У вас интересные посетители, госпожа Копецка. Такие политически развитые.

Копецка. Посетители как посетители. Мы, трактирщики, стоим вне политики. А вас, господин Бретшнейдер, я попрошу не втравлять моих гостей в политические разговоры, которые кончаются для них в гестапо. Вам же, пан Швейк, я бы сказала: ты только уплати за пиво, а там сиди себе и болтай что хочешь. Но вы, пан Швейк, за свои две кружки уже достаточно наболтали.

Бретшнейдер. Мне кажется, если бы фюрер был убит, вы не сочли бы это большой потерей для протектората.

Швейк. Потерей это, конечно, было бы - отрицать не приходится. И даже огромной потерей. Гитлера не заменишь первым попавшимся дураком. Правда, многие его ругают, но это меня не удивляет.

Бретшнейдер (оживляясь, с надеждой). Что вы этим хотите...

Швейк. Как писал однажды редактор газеты "Нива и сад", великие мужи не в чести у простого народа. Он их не понимает и считает всю эту муру лишней, даже героизм. Маленький человек плевать хотел на великую эпоху. Он предпочитает посидеть в уютной компании и съесть гуляш на сон грядущий. Удивительно ли, что великий государственный муж, глядя на эту шатию-братию, аж трясется от злости: ему ведь просто до зарезу нужно, чтобы его народ, будь он неладен, вошел в историю и во все школьные хрестоматии. Великому человеку простой народ - все равно что гиря на ногах. Что ему народ? Это все равно как если бы вы подали на ужин Балоуну с его аппетитом одну-единственную охотничью сосиску! Нет, не хотел бы я слышать, как великие люди в своем кругу клянут нас на все корки.

Бретшнейдер. Вы что же, может быть, считаете, что немецкий народ ворчит, а не стоит как один человек за фюрера?

Копецка. Я прошу вас, господа, перемените тему. Полно вам, и так ведь живем в такое серьезное время.

Швейк (прихлебывая пиво). Немецкий народ стоит за фюрера, господин Бретшнейдер, отрицать не приходится. Как воскликнул рейхсмаршал Геринг: "Фюрера не сразу поймешь, он слишком велик!" А уж кому это знать, как не Герингу. (Доверительно.) Но все же поразительно, каких только палок они не вставляли в колеса Гитлеру, когда его озаряла одна из его великих идей. Я слышал, что прошлой осенью он задумал построить здание протяжением от Лейпцига до Дрездена, храм в память о Германии, когда она погибнет в соответствии с другим великим планом, который он тоже уже разработал во всех деталях. А господа в министерствах начали качать головами и говорить, что это "слишком грандиозно", потому что у них нет ни на грош вкуса к непостижимому, которое только гений способен придумать, когда ему делать нечего. В мировую войну он завлек их только тем, что всегда говорил: ему нужен лишь город Данциг, а больше ни шиша, это его последняя мечта. А им-то уж, казалось бы, больно плевать - начальству да образованным генералам и

директорам концернов: им, что ли, платить? А простой человек еще хуже. Когда ему сказано, что он должен умереть за что-нибудь великое, то ему это, изволите ли видеть, не подходит, он начинает привередничать, тычет ложкой в требуху и морщится. Это, конечно, возмущает фюрера, который прямо из кожи вон лезет, чтобы придумать для них что-нибудь небывалое и из ряда вон выходящее или хотя бы покорение мира. Хоть тресни, а больше, чем весь мир, покорить нельзя. Даже здесь есть свои пределы, как и во всем.

Бретшнейдер. Так вы, значит, утверждаете, что фюрер хочет покорить мир? А не то, что он защищает Германию от иудейских козней и плутократов?

Швейк. Напрасно вы так понимаете. У него ведь ничего плохого и в мыслях нет. Покорять мир - это для него столь же естественное дело, как для вас пить пиво. Раз это доставляет ему удовольствие, почему бы не попробовать. В общем - горе коварным британцам, больше мне нечего сказать.

Бретшнейдер (встает). И не требуется. Следуйте за мной в гестапо, там мы вам кое-что разьясим.

Копецка. Помилуйте, господин Бретшнейдер, господин Швейк говорил ведь совершенно невинные вещи, не ввергайте вы его в несчастье.

Швейк. Извините, я тут ни при чем, что меня арестовывают. С меня причитается за пару пива и стопку сливовицы. (Расплачивается и любезно обращается к Бретшнейдеру.) Прошу прощения, я прохожу в дверь впереди вас, чтобы вам удобней было меня охранять.

Швейк и Бретшнейдер уходят.

Балоун. Они его могут расстрелять.

Копецка. Выпейте рюмку сливовицы, пан Прохазка, а то вы трясетесь как осиновый лист.

Молодой Прохазка. Уж больно скоры они на расправу.

II

В главном управлении гестапо на Петчине. Швейк и Бретшнейдер перед шарфюрером Людвигом Буллингером.

На заднем плане - ээсовец.

Буллингер. Этот самый трактир "У чаши", видимо, теплое гнездышко подрывных элементов, не так ли?

Бретшнейдер (торопливо). Никак нет, господин шарфюрер. Хозяйка заведения Копецка на редкость порядочная женщина, политикой она не занимается; Швейк среди завсегдатаев - опасное исключение. Я уже с некоторых пор взял его на заметку.

На столе Буллингера звонит телефон. Буллингер снимает трубку, голос из нее слышен через усилитель.

Голос. Опергруппа. Банкир Крушка говорит, что никак не высказывался о покушении, так как не мог прочесть о нем в газетах, поскольку его взяли еще накануне.

Буллингер. Это директор коммерческого банка? Тогда - десять ударов по заднице. (Швейку.) Вот, значит, ты каков! Сперва я задам тебе один вопросец. Если ты, свинья, не ответишь, то Мюллер-второй (показывает на ээсовца) отведет тебя в подвал на предмет перевоспитания, ясно? Вопрос такой: склонен ты к запору или к поносу?

Швейк. Осмелюсь доложить, господин шарфюрер, я готов испражняться согласно вашему указанию.

Буллингер. Ответ правильный. Но ты сделал заявления, угрожающие безопасности Германской империи, ты назвал оборонительную войну, которую ведет фюрер, завоевательной, ты критиковал систему распределения продуктов питания и т. д. и т. п. Что ты скажешь в свое оправдание?

Швейк. Всего этого слишком много. Чрезмерность вредна для здоровья.

Буллингер (с иронией). Хорошо, что ты это понимаешь.

Швейк. Я все понимаю: строгость нужна, без строгости ничего не добьешься. Как говаривал наш фельдфебель в девяносто первом полку: "Ежели вас не пропесочить, вы сбросите штаны и станете лазать по деревьям!" - вот это самое я и сказал себе давеча, когда

со мной стали скверно обращаться.

Буллингер. Ах, с тобой скверно обращались, подумать только!

Швейк. В камере. Господин ээсовец вошел и стеганул меня разок кожаным ремнем по голове, а когда я застонал, он посветил мне в лицо и сказал: "Вышла ошибка, это не тот". И он пришел в такое бешенство из-за этой пустячной ошибки, что еще разок стеганул меня по спине. Это заложено в природе человека - человеку свойственно ошибаться до самой смерти.

Буллингер. Так-так. И ты подтверждаешь все, что здесь написано о твоих высказываниях? (Указывает на рапорт Бретшнейдера.)

Швейк. Если вы, ваше высокоблагородие, хотите, чтобы я подтвердил, я подтвержу, мне это не повредит. Но если вы мне скажете: "Швейк, ничего не подтверждайте", я буду изворачиваться, пока меня не разрежут на куски!

Буллингер (ревет). Заткни глотку! Увести!

Бретшнейдер ведет Швейка к дверям.

Швейк (вытягивая правую руку, громко). Да здравствует наш фюрер Адольф Гитлер. Мы выиграем войну!

Буллингер (в замешательстве). Ты спятил?

Швейк. Осмелюсь доложить, господин шарфюрер, так точно. Я ничем не могу себе помочь, меня, еще когда я в армии служил, освободили ввиду ненормальности. Военно-врачебная комиссия официально признала меня идиотом.

Буллингер. Бретшнейдер! Вы не замечали, что этот субъект не в себе?

Бретшнейдер (обиженным голосом). Господин шарфюрер, высказывания Швейка в трактире не были похожи на высказывания кретина! Знаете, ведь эти субъекты преподносят всяческие подлости в такой форме, что им ничего нельзя вменить в вину!

Буллингер. И вы думаете - все, что он здесь сейчас наговорил, высказано человеком в здравом уме и твердой памяти?

Бретшнейдер. Господин Буллингер, я и теперь придерживаюсь такого же мнения. Но если вы по каким-либо соображениям не хотите взять его, то я готов забрать его обратно. Только ведь и у нас, у агентов, время не краденое!

Буллингер. Бретшнейдер, мне кажется, вы вонючка!

Бретшнейдер. Господин шарфюрер, я не желаю слышать ничего подобного по своему адресу!

Буллингер. А я хотел бы, чтобы вы сами в этом признались, и вам станет легче. Согласитесь, что вы вонючка!

Бретшнейдер. Не знаю, почему у вас сложился такой взгляд на мою персону, господин Буллингер, - я честный служака, я исполняю свой долг скрупулезнейшим образом. Я...

Голос. Опергруппа! Банкир Крушка согласен взять вашего брата компаньоном в коммерческий банк, однако продолжает утверждать, что ни о чем не высказывался.

Буллингер. Еще десять ударов по заднице - мне нужны высказывания. (Бретшнейдеру, почти просительным тоном.) Много ли я прошу? Если вы это подтвердите, ваша честь никакого урона не понесет, это наше с вами частное дело. Вы мараете кальсоны, почему бы и не признаться, если я вас так об этом прошу? (Швейку.) Хоть ты внуши ему это!

Швейк. Осмелюсь доложить, я не хотел бы вмешиваться в беседу обоих господ, хотя я вас очень хорошо понимаю, господин шарфюрер. Но господин Бретшнейдер очень болезненно воспринимает ваши замечания, ведь он такая отличная ищейка и, можно сказать, не заслужил такого обращения.

Буллингер (грустно). И ты, свинья, меня тоже предаешь. "И петух прокричал в третий раз" - как сказано в иудейской Библии. Бретшнейдер, я вас еще заставлю согласиться с моими словами, но сейчас у меня нет времени для личных дел, у меня еще девяносто семь случаев. Гоните в шею идиота и доставьте мне в следующий раз что-нибудь получше.

Швейк (выступает вперед и целует ему руку). Да благословит вас бог тысячу раз. Если вам когда-нибудь захочется иметь песика, обратитесь, пожалуйста, ко мне. У меня небольшая торговля собаками.

Буллингер. Концлагерь.

Бретшнейдер хочет увести Швейка.

Стой! Оставьте меня с ним наедине.

Бретшнейдер, злой, уходит. Эсэсовец тоже.

Голос. Опергруппа. Банкир Крушка подтвердил свои высказывания - он говорил, что равнодушно относится к покушению, но не заявлял, что покушение его радует, не говорил, что фюрер шут гороховый, а только что и фюрер тоже всего лишь человек.

Буллингер. Всыпать еще пяток, пока оно не начнет его радовать и пока он не скажет, что фюрер - кровавый шут! (Швейку, который мило улыбается ему.) Ты знаешь, что мы тебя в концлагере раскромсаем по суставчикам, если ты вздумаешь с нами шутки шутить, ты, рвань?

Швейк. Ну, это-то я знаю. Возьмут да и расстреляют, и до четырех сосчитать не успеешь.

Буллингер. Значит, ты собачник. Я видел на прогулке чистокровного шпица, он мне понравился. У него черненькое пятнышко на ухе.

Швейк (прерывает его). Осмелюсь доложить, я эту тварь знаю по долгу службы. Многие уже хотели получить этого шпица. У него черненькое пятнышко на левом ушке, не правда ли? Он принадлежит министерскому советнику Войте. Советник бережет его как зеницу ока, песик жрет, только когда его на "оленях об этом попросят, и только телятину. Из этого видно, что он чистой расы. Нечистокровные умнее, но чистокровные - тонко воспитаны, и их охотней крадут. В большинстве случаев они так глупы, что нужно содержать двух-трех горничных, которые бы им объясняли, что пора облегчиться или разинуть пасть для кормежки. У них все, как у тонко воспитанных людей.

Буллингер. Хватит болтать о расе, негодяй. Одним словом, я хочу получить шпица.

Швейк. Невозможно! Господин Войта не продаст его. Может, вам подойдет ищейка? Такая, что сразу вынюхивает всю подноготную и наводит на следы преступления? У одного мясника в Вршовицах есть такой пес, мясник его в тележку впрягает. Эта собака, если можно так выразиться, ошиблась в выборе профессии.

Буллингер. Я тебе уже сказал - мне нужен шпиц.

Швейк. Если бы министерский советник Войта был всего-навсего евреем, собачку можно было бы у него попросту отобрать - и баста. Но он ариец, у него светлая борода, только чуточку растрепанная.

Буллингер (заинтересован). Он истинный чех?

Швейк. Не так, как вы изволите полагать. Он не саботирует и не клянет Гитлера на чем свет стоит. Тогда бы это было проще простого. В концлагерь как меня, из-за того, что меня неправильно поняли. Но он-то как раз коллаборационист, и его уже называют Квислингом, так что на шпице придется поставить крест.

Буллингер (извлекает револьвер из ящика стола и весьма выразительно прочищает его). Я вижу, ты не желаешь мне организовать шпица, ты саботажник.

Швейк. Осмелюсь доложить, собачку я вам рад бы устроить. (Поучающе.) Существуют различные системы, господин шарфюрер. Болонку или фокстерьера-крысолова крадут, например, обрезая поводок в толчее. Злого пятнистого немецкого дога привлекают тем, что проводят перед ним суку, у которой течка. Дог почти так же падок и на жареную конскую колбасу. Но бывают и собаки изнеженные и избалованные, как архиепископ. Один раз я имел дело с пинчером, масти перца с солью, он не хотел брать колбасы, которую я приготовил, чтобы заманить его в собачий питомник в Кламовку. Три дня ходил я за этим пинчером и наконец не выдержал и прямо спросил даму, которая прогуливалась с ним, что, собственно, жрет ее собака, отчего это она так прелестно выглядит? Даме это польстило, и она ответила, что больше всего пинчер любит котлеты. Вот я и купил ему шницель. Я полагал, это еще лучше, чем котлеты! И смотри-ка, это дерьмо собачье не захотело даже повернуться и посмотреть на мясо, потому что это была телятина. А пес был приучен к свинине. Пришлось мне купить для него свиную отбивную. Я дал ему ее понюхать и

побежал, а собака за Мной. Дама закричала: "Фунтик, Фунтик!", но милый Фунтик был уже далеко. Он бежал за отбивной до угла, там я надел на него ошейник, и на следующий день он был уже в Кламовке, в собачьей клетке. Но что будет, если вас спросят, откуда у вас собачка, когда увидят пятнышко на ушке?

Буллинггер. Не думаю, чтобы меня стали спрашивать, откуда у меня этот шпиц. (Звонит.)

Швейк. Тут вы, пожалуй, правы - такая любознательность к добру не приведет.

Буллинггер. Мне сдается, что твое свидетельство об идиотизме - липа; но я, так и быть, посмотрю на это сквозь пальцы, во-первых, потому, что Бретшнейдер - вонючка, а во-вторых, если ты добудешь собачку в презент моей жене, ты преступный тип!

Швейк. Господин шарфюрер, прошу разрешения, мне нужно кое-что сказать, свидетельство у меня подлинное, но у меня есть и торговля собаками. Как говаривал один трактирщик из Будейовиц: "У меня падучая, но у меня еще и рак". Таким способом он пытался скрыть, что обанкротился. Как говорится, беда никогда не приходит одна.

Голос. Опергруппа. Лавочница Моудра продолжает утверждать, что не нарушила приказа открывать лавки не ранее девяти часов утра, так как открыла свою лавочку только в десять часов утра.

Буллинггер. На пару месяцев в карцер старую лгунью за недонарушение постановлений! (Вошедшему эсэсовцу, указав на Швейка.) Впредь до дальнейших распоряжений - освободить!

Швейк. Прежде чем я окончательно уйду, я хотел бы еще замолвить словечко за одного господина, он там ждет среди арестованных, не надо его сажать вместе с прочими, ему это неприятно, вдруг на него падет тень, потому что он сидит с нами, политическими, на одной скамье. Он угодил сюда только всего-навсего за грабеж и мокрое дело.

Буллинггер (рычит). Вон отсюда!

Швейк (стоя навытяжку). Слушаюсь! Шпица я приволоку, как только его раздобуду. С добрым утречком! (Уходит с эсэсовцем.)

ИНТЕРМЕДИЯ В НИЗШИХ СФЕРАХ

Швейк и эсэовец Мюллер-второй разговаривают по дороге из гестапо в трактир "У чаши".

Швейк. Если я пани Копецку попрошу, она это для вас сделает. Меня радует, что вы подтвердили, что фюрер не распутничает, а бережет свои силы для высоких государственных дел. И даже спиртного не употребляет. Все, что он натворил, он натворил, так сказать, в трезвом уме, но не всякий решился бы повторить все это вслед за ним. И то, что он ничего не ест, кроме как немного овощей и мучного, это тоже очень кстати. В войну и так всего не хватает, а тут все же одним едоком меньше. Я знал одного крестьянина в Моравии, он страдал несварением желудка, и у него не было аппетита. Работники у него совсем отощали, об этом шли толки по всей деревне, а он знай себе ходил и повторял лишь одно: "Мои работники жрут все то же, что я". Пьянство, конечно, порок, с этим я согласен. К примеру, торговец кожей Будова хотел было обмануть своего брата, а затем, будучи под мухарем, расписался, что уступает свою долю наследства брату, вместо того чтобы сделать наоборот. Во всем есть две стороны, и от распутства ему незачем было отказываться. Будь на это моя воля, я бы этого ни от кого не требовал.

III

В трактире "У чаши" Балоун ждет обещанного обеда. Двое других посетителей играют в шашки, толстая лавочница смакует сливовицу, пан и Копецка вышивает.

Балоун. Уже десять минут первого, а Прохазки все нет и нет. Так я и знал.

Копецка. Дайте срок. Самые скорые не всегда самые лучшие. Нужно выбрать золотую середину - ни поспешности, ни лишней потери времени. Вы знаете песню "О ветерке". (Поет.)

ПЕСНЯ О ВЕТЕРКЕ

Сюда, любезный, заходи,

Я рада от души,
Я припаду к твоей груди,
Но только не спеши.
Созреют сливы под осень,
Тогда и снимай их, дружок,
Им вихрь ошалелый несносен,
Им легкий милей ветерок.
Оставь хоть веточку одну,
Срезая с веток сливы,
И, должное отдав вину,
Целуй неторопливо.
Созреют сливы под осень,
Тогда и снимай их, дружок,
Им вихрь ошалелый несносен,
Им легкий милей ветерок.
Неошутимый ветерок,
Ему всем сердцем внемлю,
А сливы - прыг, а сливы - скок,
Попадали на землю!

Балоун (в беспокойстве направляется к игрокам в шашки). У вас прекрасное положение. Не интересуются ли господа почтовыми открытками? Я служу у фотографа, мы поставляем интимные открытки, серию "Виды немецких городов".

Первый посетитель. Немецкими городами не интересуюсь.

Балоун. Тогда вам понравится наша серия. (Показывает им открытки украдкой, как демонстрируют обычно порнографию.) Вот это Кельн.

Первый посетитель. Жуткий вид. Эту я возьму. Кратер, да и только.

Балоун. Полкроны. Но только показывайте их осторожноенько. Были уже случаи, когда людей, которые их показывали, задерживали полицейские патрули, они-то думали, что это клубничка, и хотели ее конфисковать! Первый посетитель. Вот очень удачная подпись: "Гитлер - один из величайших архитекторов всех времен и народов". А над ней - Бремен в виде кучи щебня.

Балоун. Одному немецкому унтеру я сбыл целых две дюжины. Он ухмылялся, когда их разглядывал, вот что мне понравилось. Я ему назначил встречу в сквере у Гавличка и держал нож в кармане раскрытым, на случай если этот унтер - фальшивая монета. Но он оказался без подделки.

Толстуха. Поднявший меч от меча и погибнет.

Копецка. Берегись!

Входит Швейк с эсэсовцем Мюллером-вторым, сопровождающим его от кабинета Буллингера; это крайне долговязый субъект.

Швейк. Привет всем! Не беспокойтесь, этот господин здесь не при исполнении служебных обязанностей. Дайте нам по кружке пива.

Балоун. Я был уверен, что ты вернешься только через несколько лет, но человеку свойственно ошибаться. Господин Бретшнейдер - мастер своего дела. Две недели назад, тебя тогда как раз не было здесь, он увел отсюда обойщика из Кривого переулка, и тот так и не вернулся.

Швейк. Неопытный человек, по всей вероятности, не пожелал им покориться. Нет, теперь господин Бретшнейдер поостережется неверно понимать меня. У меня есть сильная рука.

Толстуха. Это вы тот, кого они вчера увели отсюда?

Швейк (гордо). Тот самый. В такие времена нужно покоряться. Это достигается практикой. Я ему даже ручку полизал. Прежде знаете как обращались с заключенными? Им сыпали соль на лицо. Они были связаны крепко-накрепко, а потом на них спускали

огромного волкодава, который им и вылизывал все лицо, подчас даже всю физиономию слизывал начисто, вот что я слышал. А нынче больше нет таких ужасов, вот разве что начальство осерчает. Но я совсем забыл: господин (указывает на эсэсовца) хотел бы выяснить, что хорошего ему сулит будущее, пани Копецка, и выпить пару пива. Я сказал ему, что вы умеете ворожить, но это страшновато, и я ему не советую.

Копецка. Вы знаете, что я неохотно этим занимаюсь, пан Швейк.

Эсэсовец. Отчего же это, дамочка, так неохотно?

Копецка. Кто обладает таким даром, тот несет и ответственность. Могу ли я знать, как воспримет клиент предсказания? Всегда ли у него хватит силы вынести их? Потому что взгляд в будущее так действует на иных, что они ужасаются, и я же оказываюсь виноватой, вот как вышло, например, с одним мужиком по фамилии Чака, которому я вынуждена была сказать, что он будет обманут молодой женой, и он тут же раскокал мое самое дорогое зеркало.

Швейк. Она все-таки провела его за нос. Вот и учителю Блаукорфу что ни предскажет, - это всегда сбывается, вот что удивительно. Как, скажем, вы предсказывали муниципальному советнику Церлеку, что его жена, - помните, пани Копецка? Так оно и вышло.

Эсэсовец. Значит, у вас редкостный талант, нельзя же зарывать его в землю.

Швейк. Я уже предлагал, чтобы она всему муниципальному совету предсказала то же самое, я не удивлюсь, если предсказание сбудется.

Копецка. Такими вещами не шутят, пан Швейк, мы ничего не знаем о них, кроме того, что они существуют, так как они относятся к области сверхъестественного.

Швейк. Помните, как вы на этом самом месте сказали инженеру Булова прямо в лицо, что он попадет в железнодорожную катастрофу и будет разорван на мелкие кусочки? Его вдова уже снова вышла замуж. Женщины, как правило, легче переносят пророчества, они обладают своего рода внутренней силой, так я слышал. Пани Ласлачек с Гусовой улицы обладала, например, такой внутренней силой, что ее супруг заявил при всех: "Все что угодно, только не совместная жизнь с моей женой", и нанялся на работу в Германию. Но эсэсовцы тоже многое могут вытерпеть. Это свойство, как я слышал, вырабатывается у них в концлагерях и при допросах, когда требуются железные нервы.

Эсэсовец кивает.

Поэтому вы можете спокойно предсказать этому господину его будущее, пани Копецка.

Копецка. Если он мне обещает, что он воспримет это как невинную шутку и не придаст ей никакого значения, тогда я, пожалуй, соглашусь взглянуть на его ладонь.

Эсэсовец (внезапно заколебался). Я не хотел бы принуждать вар. Вы говорили, что делаете это неохотно.

Копецка (приносит ему пиво). Я тоже так думаю. Бросьте-ка лучше все это и пейте себе пиво.

Толстуха (вполголоса, обращаясь к игрокам в шашки). Не при на рожон, коль бог смелости не дал.

Швейк (присаживаясь к Балоуну). Мне нужно обсудить с тобой одно дельце, я буду сотрудничать с немцами по части одной собачки - ты мне для этого нужен.

Балоун. Я нисколько не расположен этим заниматься.

Швейк. И тебе кое-что перепадет. Зашибешь красненькую - при твоём аппетите это не лишнее, сможешь на черном рынке мясо купить.

Балоун. Прохазка не придет. Снова картофельное пюре. Нет, такого разочарования я не переживу.

Швейк. Мне думается, мы могли бы организовать небольшой союз из шести или восьми человек, соединили бы свои осьмушки мяса, и ты получил бы свой обед.

Балоун. Но где нам их найти - таких людей?

Швейк. Ты прав, из этого ничего не выйдет. Они скажут, что для такого позорного субъекта, как ты, для чеха, лишённого силы воли, они даже и не подумают поступиться хоть

чем-нибудь из съестного.

Балоун (мрачно). Это ясно. Начхать им на меня.

Швейк. Неужели ты не можешь взять себя в руки и подумать о чести родины, когда тобой овладевает это искушение и ты видишь только телячью ножку или хорошо поджаренное филе с красной капустой или, быть может, огурчиками?

Балоун стонет.

Подумай только, какой стыд будет, если ты не устоишь перед соблазном.

Балоун. Кажется, не устою. (Пауза.) Пожалуй, красная капуста лучше, чем огурчик.

Входит Прохазка с портфелем.

Швейк. Вот он. Ты, Балоун, все видишь в черном свете. Добрый день, пан Прохазка, как идут дела?

Балоун. Добрый день, пан Прохазка, как хорошо, что вы здесь!

Копецка (бросив взгляд на эсэсовца). Присаживайтесь к господам, мне тут нужно уладить одно дело. (Эсэсовцу.) Думается, ваша рука все-таки заинтересует меня, нельзя ли мне взглянуть разочек? (Хватает его за руку.) Так я и думала: у вас чрезвычайно интересная рука. Я хочу сказать, рука, перед которой не в силах устоять мы, астрологи и хироманты, до того она интересная. Сколько еще человек в вашем отделении кроме вас?

Эсэсовец (с трудом, будто ему зуб выдирают). В отделении? Двадцать. А почему вы спросили?

Копецка. Так я и думала. Это сказала мне ваша рука. Вы связаны с этими двадцатью на жизнь и на смерть.

Эсэсовец. Неужели вы все это читаете по линиям руки?

Швейк (подходя к ним, весело). Вы еще удивитесь, до чего она глубоко видит и все умеет предсказать. Она только слишком осторожна и говорит лишь то, что абсолютно верно!

Копецка. В вашей руке есть нечто электрическое, вы имеете успех у женщин, что можно заключить, взглянув на хорошо развитый бугор Венеры. Вам они, так сказать, на шею вешаются, потом, впрочем, некоторые бывают приятно поражены и желают продлить удовольствие на всю жизнь. Вы человек серьезный, можно сказать, даже сурового нрава. Линия успеха у вас выражена необычайно сильно.

Эсэсовец. Что же это означает?

Копецка. Тут дело идет не о деньгах, тут нечто гораздо большее. Видите, как здесь линии образуют букву "Г"? Это "геройский подвиг", который вы совершите, и притом в самом ближайшем будущем.

Эсэсовец. Где? Видите ли вы, где я совершу этот подвиг?

Копецка. Не здесь. Но и не на вашей родине. Довольно далеко отсюда. Тут есть еще нечто замечательное, что я не совсем постигаю. Этот геройский подвиг покрыт, так сказать, пеленой тайны, так что только вы и те, кто 'будут с вами в этот миг, о нем узнают, а больше никто, и никто потом тоже ничего о нем не узнает.

Эсэсовец. Как же это может быть?

Копецка (вздыхает). Не знаю. Может быть, это будет на поле брани, или на каком-нибудь передовом посту, или еще где-нибудь в том же роде. (Точно в замешательстве.) Но теперь довольно, а? Я должна заняться своими делами, а это так, только пустая шутка, вы ведь мне обещали, что воспримете это как милую шутку?

Эсэсовец. Нет, теперь уже не останавливайтесь, госпожа Копецка, я хочу узнать побольше об этой тайне.

Швейк. Мне тоже кажется, что вам бы не следовало оставлять господина военного в страхе и смятении.

Копецка подмигивает ему так, чтобы это мог видеть эсэсовец.

Но, пожалуй, и этого достаточно, кое-что нам, должно быть, лучше и не знать. Вот, скажем, учитель Варцек решил раз посмотреть в энциклопедии, что означает слово "шизофрения", - и его вскорости пришлось отвести в Ильменау, в сумасшедший дом.

Эсэсовец. Вы увидели по моей руке больше, чем сказали.

Копецка. Нет-нет, это все. Покончим на этом.

Эсэсовец. Вы утаиваете то, что видели. Вы явно подмигнули господину Швейку, чтобы он замолчал, потому что вы не хотели рассказать мне, в чем дело, но никакие уловки вам не помогут.

Швейк. Это правда, пани Копецка, ничего вам не поможет, вы имеете дело с эсэсовцем, мне тоже пришлось все выложить там, у них в гестапо. Хотелось мне этого или нет, я сразу же признался, что желаю нашему фюреру долгой жизни.

Копецка. Никто не заставит меня сказать моему клиенту то, что ему неприятно слышать. А то он перестанет посещать мое заведение.

Эсэсовец. Вот видите, вы что-то знаете, а сказать не хотите. Вы себя выдали.

Копецка. Второе "Г" у вас на ладони выражено совсем неясно, из ста человек ни один не заметит.

Эсэсовец. Что это еще за второе "Г"?

Швейк. Еще кружечку, пани Копецка, все это так интересно, что мне даже пить захотелось.

Копецка. Всегда одно и то же, вечно попадаешь в неприятное положение, когда поддаешься уговорам и начинаешь внимательно рассматривать руки из самых честных побуждений. (Приносит Швейку пива.) Второго "Г" я вовсе не ожидала, но раз уж оно там есть, ничего не напишешь. Если я вам это скажу, вы впадете в уныние, и все-таки от этого не будет проку.

Эсэсовец. Что же вы там прочли?

Швейк (дружелюбно). Должно быть, нечто дурное, ведь с тех пор как я знаком с госпожой Копейкой, я никогда не видывал ее в таком состоянии, а уж она-то насмотрелась на столько рук... Вы и впрямь можете это выдержать, вы чувствуете себя достаточно сильным для этого?

Эсэсовец (хрипло). А что там?

Копецка. Тогда я скажу вам, что второе "Г" означает героическую смерть на поле брани - и ничего более. Надеюсь, это вас не удручает? Ну вот, теперь вы неприятно поражены. Так я и знала. Три кружки пива - с вас две кроны.

Эсэсовец (расплачивается, совершенно убитый). Все это чушь. Чтение по ладони. Ничего оно не значит.

Швейк. Именно так. Не принимайте этого близко к сердцу.

Эсэсовец (уходя). Хайль Гитлер!

Копецка (кричит ему вслед). Обещайте мне, что вы по крайней мере другим господам ничего не скажете.

Эсэсовец (останавливаясь). Каким другим господам?

Швейк. Из вашего отделения. Их ведь двадцать кроме вас.

Эсэсовец. А почему это их должно касаться?

Копецка. Потому только, что они связаны с вами на жизнь и на смерть. Чтобы их не волновать понапрасну.

Эсэсовец уходит, проклиная все и вся.

Заходите к нам почаще!

Толстуха (смеясь). Вот молодчина, так и надо, пани Копецка!

Швейк. Буря пронеслась. (Раскройте ваш портфельчик, пан Прохазка, пан Баллоун может не выдержать.)

Копецка. Да, давайте сюда, пан Рудольф, как это Мило с вашей стороны, что вы принесли обещанное.

Молодой Прохазка (слабым голосом). У меня ничего нет. Когда я увидел, как они уводят пана Швейка, меня словно ошеломило, всю ночь эта сцена была у меня перед глазами. Добрый день, пан Швейк, я вижу, вы вернулись! Простите, пани Копецка, мне особенно тяжело из-за вас, что я вас в такое конфузное положение ставлю в присутствии господ, но у меня не хватило духу. (В полном отчаянии.) Пожалуйста, скажите хоть

что-нибудь, все лучше, чем такое молчание!

Балоун. Ничего нет.

Копецка. Так... значит, вы ничего не принесли. Но когда вы вошли в зал, я дала вам понять, что мне нужно сперва выпроводить эсэсовца, и вы кивнули мне так, как будто сдержали свое слово.

Молодой Прохазка. Я не решился...

Копецка. Можете больше ничего не говорить. Я теперь вас понимаю. Вы не выдержали испытания ни как чех, ни как мужчина. Убирайтесь отсюда, и чтобы ноги вашей здесь больше не было!

Молодой Прохазка. Ничего лучшего я не заслужил. (Выскальзывает в дверь.)

Швейк (после паузы). Кстати о хиромантии. Парикмахер Криш из Мнишка вы знаете Мнишек? - так вот во время престольного праздника он предсказывал будущее по линиям руки и на вырученные деньги накачался, и один молодой парень, из крестьян, взял и повез его к себе, чтобы тот ему предсказал будущее, когда очухается, и, перед тем как заснуть, парикмахер спросил этого парня: "Как ваша фамилия? Вытащите у меня из нагрудного кармашка мою записную книжечку. Ага, значит ваша фамилия Кунерт. Приходите через четверть часа, и я дам вам записку, в которой будет стоять фамилия вашей будущей супруги". Потом он захрапел, но вскоре проснулся и что-то нацарапал в своей книжечке. Он вырвал этот листок, бросил его на пол, потом прижал палец к губам и сказал: "Только не сейчас, через четверть часика. Лучше всего, если вы станете искать этот листок на ощупь, с завязанными глазами". На бумажке, как потом выяснилось, было написано: "Фамилия вашей будущей супруги госпожа Кунерт".

Балоун. Этот Прохазка - преступный тип.

Копецка (гневно). Не болтайте глупостей. Преступники - это нацисты, которые мучают людей и угрожают им, пока те не теряют лучшие свойства человеческой природы. (Смотрит в окно.) Тот, кто сюда идет сейчас, вот кто настоящий преступник, а не Рудольф Прохазка, слабый человек.

Толстуха. По-моему, мы тоже виноваты. Думается, можно бы не только пить сливовицу и шутки шутить.

Швейк. Не требуйте от себя слишком многого. Уж и то хорошо, что мы здесь и живы пока. Столько сил приходится тратить на то, чтобы выжить и пережить, что больше ни на что не хватает.

Входит Бретшнейдер в сопровождении эсэсовца.

(Весело.) Добрый день, господин Бретшнейдер. Не хотите ли пивца? Я теперь сотрудничаю с эсэсовцами. Это мне не повредит.

Балоун (злобно). Вон!

Бретшнейдер. Что вы сказали?

Швейк. У нас тут зашел разговор о еде, и господин Балоун вспомнил припев к одной народной песенке, которую мы все успели позабыть. Песенку эту исполняли главным образом на престольных праздниках, и речь в ней идет о приготовлении редьки. Неподалеку от Мнишка сажают такую редьку - крупную, черную, вы, наверно, о ней слышали, это знаменитая редька! Я хотел бы, Балоун, чтобы ты исполнил для господина Бретшнейдера эту песенку, это тебя взбодрит. Знаете, у него прекрасный голос, он даже в церковном хоре поет.

Балоун (мрачно). Итак, о черной редьке. (Поет песенку "О приготовлении черной редьки".)

Во время исполнения песенки Бретшнейдер, на которого все смотрят, не знает, вмешаться ему или нет. Он то садится, то встает.

Большую, черную старательно приметь-ка,

Скажи ей ласково: "Сестричка, потянись!"

Но, понимаешь ли, дерьмолюбива редька,

И рукавицами не грех бы запастись!

Растет у дома редька

Горда собой сама,
Ее мы крепко дернем,
Ее мы вырвем с корнем
Из дерь-ма!
Ты можешь, впрочем, купить ее за грошик,
Потом старательно и тщательно отмыть,
И понарезать кучу ломтиков хороших,
И крупной солью, крупной солью посолить.
Соли ее, задрыгу,
И знай, что в этом суть,
И не давай ни мигу,
И не давай ни мигу
От со-ли от-дох-нуть!

ИНТЕРМЕДИЯ В ВЫСШИХ СФЕРАХ

Гитлер и его рейхсмаршал Геринг перед моделью танка. Оба сверхъестественных размеров. Военственная музыка.

Гитлер.

Милый Геринг, вот уже четвертый год
Продолжается мой без пяти минут победоносный
поход!

Война расширяется. Захватывает все новые
делянки,

Необходимы мне новые бомбардировщики,
орудия и танки.

Следовательно, если иным бездельникам потеть
неохота,

Скрутить их в бараний рог! Пусть работают на
мою войну до кровавого пота.

Позвольте заострить ваше внимание на вопросе
неком:

(Как обстоят дела с маленьким человеком?)

Станет ли вкалывать он, не устроит ли мне
какого подвоха?

Геринг.

Мой фюрер, само собой разумеется, что наша
эпоха

Заставляет маленького человека в Европе
прилагать такие же старания,

Какие прилагают маленькие люди в самой
Германии.

Моему управленью рабсилы не страшна
никакая помеха!

Гитлер.

Да! Именно в этом залог успеха!

IV

Скамья на берегу Влтавы. Приходит парочка, стоят, тесно прижавшись друг к другу, смотрят на Влтаву, потом идут дальше. Затем появляются Швейк и его друг Балоун. Они все время оглядываются.

Швейк. Пан Войта скверно обращается с прислугой, эта у него уже третья со сретения и тоже хочет уходить, так я слышал, потому как соседи ее донимают, что сиз служит у хозяина, который не лучше Квислинга. Поэтому она не очень будет грустить, если вернется домой без песика, надо только, чтобы она была ни при чем. Ты садись на скамейку заранее,

ведь она не сядет там, где никого нет.

Балоун. Разве я не должен держать конскую колбасу?

Швейк. Это чтоб ты ее тут же слопал? Садись уж, садись!

Балоун усаживается. Появляются две служанки, Анна и Кати, первая из них ведет шпица на поводке.

(Обращаясь к Анне.) Простите, барышня, как пройти на улицу Палацкокого?

Кати (подозрительно). Идите через Гавличкову площадь. Пойдем отсюда, Анна.

Швейк. Простите, но я еще хочу спросить, где же находится эта самая площадь, я не здешний.

Анна. Я тоже не здешняя. Кати, ответь ты пану.

Швейк. Это очень приятно, что вы не здешняя, барышня, а я и не заметил, что вы не из городских, и с вами такой милый песик. Откуда же вы?

Анна. Я из Противина.

Швейк. Тогда мы с вами почти земляки, я ведь из Будейовиц.

Кати (тащит ее). Пойдем, пойдем, Анна.

Анна. Сейчас. Может быть, вы знакомы с мясником Пехаром, он живет в Будейовицах на Кольцевой?

Швейк. Еще бы! Это мой двоюродный брат. Все у нас его очень любят, он очень симпатичный, всегда готов услужить, мясо у него всегда свежее, и он охотно дает довески.

Анна. Так оно и есть.

Пауза. Кати ждет с ироническим видом.

Швейк. Это ведь чистая случайность, когда земляки так вот встречаются на чужбине, не правда ли? Может, у вас найдется капелька времени? Нам есть что друг другу порассказать о Будейовицах, там вон скамеечка с чудесными видом на реку; это, знаете ли, Влтава.

Кати. Неужели? (С тонкой иронией.) Для меня это ново.

Анна. Там уже кто-то сидит.

Швейк. Один пан, он наслаждается прелестным видом. Следите хорошенько за вашим песиком.

Анна. Почему это?

Швейк. Я не хочу говорить ничего дурного, но немцы страшно любят шбак, до того любят, что это просто удивительно, в особенности эсэсовцы. Вы не успеете оглянуться, как собаку уведут да и отошлют к себе домой. Я сам недавно встретился с шарфюрером по фамилии Буллингер, он тоже очень хотел достать шпица для своей супруги, она в Кельне живет.

Кати. Значит, вы запросто разговариваете с шарфюрерами и прочими типами в этом роде? Пойдем, Анна, с меня хватит.

Швейк. Я беседовал с ними, когда сидел в гестапо, меня взяли за высказывания, угрожающие безопасности Третьей империи.

Кати. Это правда? Тогда беру свои слова обратно. У нас есть еще чуточку времени, Анна. (Идет к скамейке, впереди всех.)

Все трое усаживаются рядом с Балоуном.

Что же вы такое сказали?

Швейк (дает понять, что при постороннем он не может говорить на эту тему. Потом нарочито беспечным тоном). Нравится ли вам в Праге?

Анна. Нравится, но только мужчинам здесь нельзя верить.

Швейк. Да-да, это чистая правда, и я рад, что бы это знаете. В деревне народ куда честней, не правда ли? (Балоуну.) Прекрасный вид, верно, пан сосед?

Балоун. Ничего.

Швейк. Фотографу такой вид может пригодиться.

Балоун. В качестве фона.

Швейк. Ну, фотограф уж сделал бы из этого нечто великолепное!

Балоун. Я фотограф. У нас в ателье, где я работаю, есть задник с видом Влтавы, там она куда живописней. Мы снимаем на этом фоне немцев, эсэсовцев главным образом, они потом снимки домой посылают; на случай, если придется уйти, а вернуться нельзя будет. А это разве Влтава? Так какая-то заваливающая речушка.

Девушки одобрительно смеются.

Швейк. То, что вы рассказываете, страшно интересно. Не могли бы вы сфотографировать барышень, снять их бюсты, простите, но так это называется.

Балоун. Пожалуй, мог бы.

Анна. Вот это чудесно. Но, конечно, не перед вашей Влтавой.

Все громко смеются. Затем наступает пауза.

Швейк. Знаете последний анекдот? С Карлова моста один чех услышал, как кто-то кричит по-немецки: "Спасите, тону!" Чех перегнулся через перила и отвечает: "Не ори так, лучше бы ты плавать учился, а не по-немецки болтать!"

Девушки смеются.

Да, Влтава... Знаете, время военное, тут в кустах немало безнравственностей творится.

Кати. В мирное время тоже.

Балоун. Особенно в мае.

Швейк. До дня всех святых на свежем воздухе.

Кати. А в закрытых помещениях так-таки ничего и не творится?

Балоун. Творится и немало.

Анна. И в кино тоже.

Все опять громко смеются.

Швейк. Да, такова Влтава. Знаете песню "Генрих спал со своей новобрачной"? Ее часто поют в Моравии.

Анна. Вы об этой песне, где дальше поется: "С милой девой с рейнских берегов"?

Швейк. Именно об этой. (Балоуну.) Вам что-то попало в глаз? Не трите. Барышня, вы не посмотрите, что там с глазом. Может, удастся вынуть, лучше всего кончиком носового платочка.

Анна (Швейку). Вы не подержите собачку? В Праге нужно быть осторожным. Здесь в воздухе столько копоты.

Швейк (слабо, без узла, привязывает шпичка к фонарному столбу у скамейки). Простите, но я должен теперь сходить на улицу Палацкого, по делу. Я охотно бы допел с вами эту песенку, но, увы, занят. Добрый вечер. (Уходит.)

Кати (в то время как Анна кончиком носового платка старается что-то выудить в глазу у Балоуна). Пан что-то очень торопится.

Анна. Я ничего не могу найти.

Балоун. Не надо, мне уже лучше. Что это за песня такая?

Анна. Хотите, мы вам ее споем, прежде чем уйти отсюда? Сиди спокойно, Люксик. Глаза бы мои не глядели ни на тебя, ни на хозяина твоего! (Балоуну.) Мой хозяин путается с немцами. Я начинаю.

Обе девушки с большим чувством поют "Генрих спал со своей новобрачной". Во время пения Швейк из-за куста крохотной колбаской приманивает к себе шпичка и удаляется с ним.

Балоун (когда песня отзвучала). Как вы замечательно спели!

Кати. А теперь мы пойдем. Господи боже, где же собака?

Анна. Иисусе Христе! Она ж от меня никогда не убегала. Что скажет пан советник!

Балоун. Он позвонит немцам, они ведь его друзья, только и всего. Не волнуйтесь, вы тут ни при чем, наш сосед, видимо, слишком слабо привязал ее. Мне показалось, что какая-то тень мелькнула вон там, пока вы пели.

Кати. Скорей идем в полицию, в бюро пропаж!

Балоун. Приходите как-нибудь в субботу вечером в трактир "У чаши", Гусова, семь.

Анна и Кати кивают Балоуну и быстро уходят. Балоун снова любит вид.

Прежняя парочка возвращается, они уже больше не прижимаются друг к другу.

Затем появляется Швейк со шпицем на поводке.

Швейк. Вот пес, достойный квислинговца, - кусается, как только отвернешься. По дороге он вытворял чудовищные номера. Когда мы переходили через рельсы, он вдруг улегся, и ни с места. Наверно, он хотел, чтобы трамвай переехал его, прохвоста. А теперь идем.

Балоун. Значит, он побежал за конской колбаской? А я-то думал, что он только телятину жрет.

Швейк. Воевать - не мед лизать. Голод не тетка. К породистым собакам это тоже относится. Но я отдам его Буллингеру только тогда, когда этот тип выложит деньги на бочку, не то он меня надует. Не быть же коллаборационистом бесплатно.

Долговязый субъект мрачного вида появляется на заднем плане. Он внимательно наблюдает за приятелями, потом приближается к ним.

Субъект. Господа, вы здесь на прогулке?

Швейк. Ну да, а вам какое дело? Субъект. Предъявите, пожалуйста, ваши документы. (Показывает им служебный жетон.)

Швейк. У меня нет их при себе, а у тебя?

Балоун (качает головой). Мы ведь ничего не сделали.

Субъект. Я задерживаю вас не потому, что вы что-нибудь сделали, а потому, что у меня создалось впечатление, что вы бездельничаете. Я из управления добровольной трудовой повинности.

Швейк. Значит, вы один из тех господ, которые толкуются перед кино и перед пивными и хватают людей, чтобы послать их на заводы?

Субъект. Что у вас за профессия?

Швейк. У меня небольшое предприятие, по собачьей части.

Субъект. Есть ли у вас свидетельство, что ваше предприятие имеет военное значение?

Швейк. Ваше высокоблагородие, чего нет - того нет. Тем не менее мое дело для войны очень важно, ведь и в военное время людям иногда хочется завести собачку, чтобы в тяжелые дни иметь хоть одного друга, верно я говорю, шпиц? Люди ведут себя гораздо спокойней во время бомбежки, когда на них смотрят преданные собачьи глаза, будто спрашивают: так и должно быть? А этот господин - фотограф, это, наверно, еще важнее для войны, он ведь снимает солдат, чтобы их домашним остался хотя бы снимок, все-таки снимок это лучше, чем ничего, ведь правда?

Субъект. Думается мне, лучше будет захватить вас с собой в управление, только я дам вам добрый совет - бросьте болтать глупости.

Балоун. Но ведь мы изловили собаку по приказу свыше, расскажи ему об этом.

Швейк. Не стоит труда. Этот пан тоже действует по приказу свыше.

Они идут с ним.

Значит, ваша профессия - людей ловить?

V

Обеденный перерыв на пражской товарной станции. На рельсах сидят Швейк и Балоун, ныне сцепщики вагонов на гитлеровской службе, охраняемые вооруженным до зубов немецким солдатом.

Балоун. Хотел бы я знать, куда это запропастилась пани Копецка с обедом. Надеюсь, с ней ничего не стряслось.

Лейтенант (проходя мимо, солдату). Часовой! Если у вас спросят, который из вагонов пойдет в Нижнюю Баварию, запомните - вот этот - номер четыре тысячи двести шестьдесят восемь!

Солдат (стоя навтыжку). Слушаюсь.

Швейк. У немцев все зиждется на организации. Такой организации, как у них, свет еще не видал. Стоит Гитлеру кнопку нажать - и Китая как не бывало. Между прочим, они и на папу римского завели досье, и в нем все, что он о них говорил когда бы то ни было, - словом,

его можно уже считать покойником. А возьмем пониже, какого-нибудь ээсовского начальника - ты еще видишь, как он нажимает кнопку, а вдова твоя в этот самый миг уже получает урну с твоим прахом. Это, я тебе скажу, счастье еще, что мы находимся здесь и что нас охраняет сильно вооруженная стража, - она уж проследит, чтобы мы не занялись саботажем и не угодили под расстрел.

Торопливо входит пани Копецка с эмалированными судками. Солдат рассеянно проверяет ее пропуск.

Балоун. Что у вас тут?

Копецка. Морковные котлеты и картофельные сардельки. (В то время как оба, держа судки на коленях, едят, тихо.) Собаку нужно убрать из дому. Она уже стала политически опасна. Не лопайте с таким остервенением, пан Балоун, вы наживете язву желудка.

Балоун. Только не от картошки, вот разве что от каплуна.

Копецка. В газете сегодня сообщается, что исчезновение собаки министерского советника Войты является актом мести населения по отношению к дружественному Германии чиновнику. Теперь идут розыски, хотят выжечь это гнездо мятежных элементов. Собаку нужно сегодня же убрать из заведения.

Швейк (продолжая есть). Вышла небольшая неувязка. Я только вчера отправил срочное письмо господину Буллингеру насчет того, что требую с него двести крон вперед - иначе не отдам.

Копецка. Пан Швейк, вы рискуете жизнью, когда пишете такие письма.

Швейк. Не думаю, пани Копецка. Господин Буллингер, конечно, грандиозная свинья, но он поймет, что дело есть дело, а шпица он хочет, как я слышал, послать в подарок своей супруге, в~ Кельн. - Коллаборационист не станет работать даром, за прекрасные глаза, совсем наоборот, теперь он заслуживает даже более высокой ставки, потому что земляки его презирают. Должен же я получить вознаграждение за моральный ущерб или не должен?

Копецка. Но ведь вы же не можете делать дела, сидя здесь, на товарной станции?

Швейк (приветливо). Ну, здесь я не состарюсь. Я стоил им уже одного вагона с мылом. Это совсем нетрудно. В Австрии однажды был случай, когда правительство запретило стачку, но железнодорожники остановили все движение на восемь часов только тем, что они стали неукоснительно исполнять все без исключения пункты инструкции о безопасности на транспорте.

Копецка (энергично). Шпица нужно убрать из трактира, пан Швейк. Мне оказывает некоторую протекцию господин Бретшнейдер, он все еще надеется, что я буду крутить с ним, но ведь это не слишком важная персона.

Швейк еле слушает ее, так как два немецких солдата проносят мимо него большой котел, от которого идет пар. Они наполняют алюминиевую миску солдата гуляшем. Балоун, давно уже управившийся с едой, встает и, приносиваясь,

словно в трансе, делает несколько шагов вслед за котлом.

Швейк. Я его уведу. Посмотрите на него только!

Немецкий солдат (резко, Балоуну). Стой!

Копецка (Балоуну, который возвращается угрюмый, в сильном волнении). Возьмите же себя в руки, пан Балоун.

Швейк. В Будейовицах жил один доктор, так он страдал такой сахарной болезнью, что мог питаться только рисовым супом и больше ничем - не человек, а развалина. Он не вытерпел и стал украдкой доедать чужие объедки, хоть и знал, чем это может для него кончиться. Наконец ему стало совсем невмоготу, и он велел своей экономке, которая, бедняга, заливалась слезами и чуть не роняла судки на пол, приготовить ему обед из семи блюд со сладким пирогом в придачу и прочим десертом, а еще он завел граммофон и поставил похоронный марш - и от этого оочурился. Так будет и с тобой, Балоун. Твой жизненный путь завершится под русским танком.

Балоун (все еще дрожа всем телом). У них гуляш!

Копецка. Я ухожу. (Забирает судки и уходит.)

Балоун. Я хочу только одним глазком взглянуть. (Жующему солдату.) Простите, господин солдат, у вас в армии все такие же большие порции? Ваша порция очень солидная. Но, может быть, это только в наряд, чтобы вы нас получше охраняли, не то мы убежим, а? Нельзя ли мне нюхнуть разочек?

Солдат сидит и ест, но при этом шевелит губами, как бы что-то повторяя.

Швейк. Не приставай к нему! Разве ты не видишь, болван, что он должен вызубрить номер вагона, иначе в Нижнюю Баварию пойдет совсем не тот вагон. (Солдату.) Вы правы, что стараетесь это выучить наизусть, мало ли что бывает. Теперь уже больше не пишут место назначения на вагонах, так как саботажники насобачились стирать надписи и малевать ложные адреса. Какой номер-то, четыре тысячи двести шестьдесят восемь, не правда ли? Так вот, нечего вам, битых полчаса шевелить губами, я вам, так и быть, расскажу, что вам следует делать. Меня этому научил один чиновник ремесленной управы; он очень хорошо растолковал этот способ лотошнику, который все не мог запомнить номер своего лотка. Вот как он объяснил - я возьму для примера ваш номер, чтобы нагляднее показать вам, до чего все это легко и просто. Четыре тысячи двести шестьдесят восемь. Первая цифра - четверка, вторая - двойка. Стало 'быть, вы уже запомнили - сорок два, то есть, по порядку, дважды два четыре, то есть впереди просто четыре, а за ним четыре деленное на два, и, значит, снова у вас стоят рядом четыре и два. А теперь не пугайтесь. Сколько будет дважды четыре - восемь, не правда ли? Следовательно, запомните, что восьмерка, которая заканчивает число четыре тысячи двести шестьдесят восемь, стоит последней в ряду, теперь вам нужно только вспомнить, что первая цифра - четыре, вторая - два, четвертая - восемь, и вам стоит только как-нибудь запомнить шесть, которое стоит перед восемью. Ну, это же проще простого! Первая цифра - четыре, вторая - два, четыре и два будет шесть, и уже, как сказал господин из ремесленной управы, порядок чисел никогда не выветрится из вашей памяти! Вы можете еще проще добиться такого же результата. Этот способ он тоже объяснил лотошнику, я повторю его вам на примере вашего номера.

Солдат слушает его, широко раскрыв глаза. Губы его перестали шевелиться.

Швейк. Восемь минус два равняется шести. Значит, он уже знает шесть. Шесть минус два равняется четырем, значит, он уже знает четыре. А цифры восемь и два чередуются с ними - вот и получается четыре тысячи двести шестьдесят восемь: четыре - два - шесть - восемь! Можно - без малейшего усилия добиться этого результата и иным способом, с помощью умножения и деления. Вот как мы будем действовать в этом случае: запомним, сказал чиновник ремесленной управы, что дважды сорок два равняется восьмидесяти четырем. В году двенадцать месяцев. Мы вычитаем, следовательно, двенадцать из восьмидесяти четырех, и у нас остается семьдесят два, из семидесяти двух снова вычитаем двенадцать месяцев, получаем шестьдесят, таким образом у нас уже есть несомненная шестерка, ну а ноль мы вычеркиваем. Итак, запомним: сорок два - шесть - восемьдесят четыре. Мы вычеркнули ноль, а сзади четверку, и снова получаем наш искомый номер - без малейших изъянов. Так какой же наш искомый номер?

Голос (из глубины сцены). Охранник, какой номер вагона нужно отправлять в Нижнюю Баварию?

Солдат. Какой номер?

Швейк. Постой, я тебе это подсчитаю по месячному методу. Их дюжина, правда, ты с этим согласен?

Голос. Охранник! Вы заснули, что ли?

Солдат (кричит). Забыл! (Швейку.) Черт бы тебя побрал!

Голос (грубо). Он должен в двенадцать пятьдесят отбыть в Пассау.

Другой, далекий голос. Тогда возьмем этот, мне кажется, он самый и есть.

Балоун (удовлетворенно указывая на солдата, который испуганно смотрит назад). Он мне не разрешил даже и понюхать свой гуляш!

Швейк. Вот я и думаю - теперь, пожалуй, покатится в Баварию вагон с пулеметами. (Философически.) Но, возможно, пока он прибудет к месту назначения, пулеметы в

Сталинграде будут уже ни к чему, а нужны будут аккурат сеялки, а вот в Баварии, может быть, как раз будут до зарезу нужны пулеметы. Кто знает?

VI

Субботний вечер в трактире "У чаши". Среди посетителей Балоун, Анна, Кати, молодой Прохазка, отдельно сидят два эсэсовца. Электрическая пианола исполняет танцевальную музыку.

Кати (Балоуну). Я на допросе сообщила Бретшнейдеру, что уже раньше слышала, - в деле со шпиком замешаны эсэсовцы. Я не назвала вашего имени, только имя вашего друга, пана Швейка. И я ничего не сказала о том, что пан Швейк сделал вид, что незнаком с вами, ведь он просто хотел завести разговор! Правильно я сделала?

Балоун. По мне, так... все правильно. Мне уже недолго здесь быть. И если я вернусь, так это будет чудо.

Анна. Не говорите с такой горечью, пан Балоун, это делу не поможет. И эсэсовец, что сидит там, обязательно пригласит меня танцевать, если я буду так сидеть. Пригласите меня.

Балоун собирается встать.

Копецка (в это время выходит вперед и хлопает в ладоши). Дамы и господа, сейчас половина девятого, как раз самое время сплясать нашу "беседу". (Полуобернувшись к эсэсовцам.) Так называется наш народный танец, мы пляшем его без посторонних, он, может быть, не всем понравится, зато он очень по душе нам самим! Музыка за мой счет. (Опускает монетку в щель пианолы и уходит в заднюю комнату.)

Музыка. Все присутствующие пляшут "беседу" и очень громко топают при этом, Анна и Балоун танцуют тоже. Танцуют, чтобы спровадить эсэсовцев, нарочно спотыкаются у их столика и т. п.

Балоун (поет).

Нам не спится, полночь бьет,

Пан овес гулять идет.

Тюрли-тюрлм-ай-люли,

Молодухи в пляс пошли!

Остальные (подхватывают).

Ущипните нас, браточки,

У любой четыре щечки!

Тюрли-тюрли-ай-люли,

Молодухи в пляс пошли!

Эсэсовцы, чертыхаясь, поднимаются и пробиваются к выходу. Копецка выходит из задней комнаты и продолжает перетирать стаканы. Кати с первым посетителем (из третьей картины) возвращается к столу.

Первый посетитель. Народные танцы в нашем трактире в моде лишь с недавних пор, но мы их очень любим, ведь всем завсегдатаям известно, что пани Копецка в это время слушает московское радио.

Балоун. Мне уже недолго осталось танцевать. Там, где я буду, "беседу" не пляшут.

Анна. Я слышала, мы очень неосторожно поступили, что пошли в парк у Влтавы. Там опасно из-за немецких дезертиров, были случаи нападения.

Первый посетитель. Только на мужчин. Нужно же им где-то раздобыть гражданское платье. В парке на Стромовке теперь каждое утро находят немецкие мундиры.

Кати. Кто лишится своего пиджака, не так легко достанет новый. Говорят, что бюро контроля на фабриках готового платья запретило шить платья и шляпы из бумаги. В связи с нехваткой бумаги.

Первый посетитель. Немцы очень любят заводить такие учреждения. Они растут как грибы после дождя. Лишь бы были должности, которые дают возможность не идти на войну. Лучше донимать чехов всякими придирами молочный контроль, продовольственный контроль, бумажный контроль и так далее. Каждому охота отсидеться в тылу.

Балоун. Зато на мне они отыгрались. Будущее мое неотвратимо.

Анна. Не понимаю, о чем вы говорите.

Балоун. Вы это скоро узнаете, Анна. Вы, конечно, знаете песню "Тыща окон и ворот" о художнике, что умер молодым. Спойте ее, это соответствует моему настроению.

Анна (поет).

Тыщу окон и ворот не покрасит больше тот,
Кто отлично рисовал и девчонок целовал.
Рафаэль он был второй, крепко спит в земле
сырой...

Вы об этой песне?

Балоун. Об этой самой.

Анна. Иисусе! Вы ничего над собой не сделаете, пан Балоун?

Балоун. То, что я над собой сделаю, повергнет вас в ужас, барышня. Я не наложу на себя руки, нет, я устрою нечто похуже.

Входит Швейк со свертком под мышкой.

Швейк (Балоуну). А вот и я. Я принес мяса. На гуляш. Я не хочу благодарности, я возьму за это только твою миску, что на кухне стоит.

Балоун. Покажи-ка. Это говядина?

Швейк (энергично). Лапы прочь! Я не буду здесь развязывать. Добрый вечер, барышни, вы тоже тут?

Анна. Добрый вечер, мы все знаем.

Швейк (уводит Балоуна в угол). Что ты им тут снова выболтал?

Балоун. Только что мы с тобой знакомы и что это была хитрость, будто мы не знаем друг друга. Я не знал, о чем с ними говорить. Мою миску ты получишь. Считай, что ты вырвал своего друга из бездны, дай мне только понюхать через бумагу. Госпожа Малер, что живет напротив, обещала мне за нее уже двадцать крон, но я ноль внимания. Откуда у тебя это мясо?

Швейк. С черного рынка, мне продала его одна акушерка, а она получила его из деревни. Году в тридцатом она принимала ребенка в крестьянской семье, а у младенца во рту была маленькая косточка, тогда она заплакала и сказала: "Это означает, что мы все еще будем сильно голодать". Вот что она напророчила, а тогда еще немцев не было у нас. И вот крестьянка, мать ребеночка, стала ей каждый год посылать немного мяса, чтобы она не голодала, но теперь ей нужней наличные, ей нужно налог платить.

Балоун. Только бы у пани Копецкой нашелся красный перец!

Копецка (подошла к ним). Возвращайтесь к вашему столику, через полчаса я позову вас на кухню. А пока делайте вид, что ничего не произошло. (Швейку, когда Балоун пошел к своему столику.) Что это за мясо?

Швейк (укоризненно). Пани Копецка, вы меня удивляете.

Копецка берет сверток и осторожно заглядывает в него.

(Увидев, что Балоун о чем-то разговаривает с девушками, взволнованно жестикулируя.) Балоун, по-моему, слишком воодушевился. Нужно прибавить много красного перца, чтобы это имело вкус говядины. Это конина. (Заметив, что Копецка бросила на него испытующий взгляд.) Ладно, это не конина, это шпиц господина Войты. Я был вынужден это сделать, потому что на ваше заведение ляжет позорное пятно, если один из завсегдатаев с голодухи станет служить немцам.

Посетитель (у стойки). Хозяйка!

Копецка отдает Швейку пакет и торопится обслужить гостя. В этот момент слышен шум подъезжающей грузовой машины. След за этим в трактир входят

эсэсовцы во главе с шарфюрером Буллингером.

Буллингер (Швейку). Ваша экономка сказала правду, вы действительно тут. (Эсэсовцам.) Расчистить место! (Швейку, в то время как эсэсовцы оттесняют других гостей.) Отвечай, сволочь, где шпиц?

Швейк. Осмелюсь доложить, господин шарфюрер, в газете было, что шпица украли.

Вам не приходилось читать?

Буллингер. Так. Ты начинаешь дерзить?

Швейк. Осмелюсь доложить, господин шарфюрер, никоим образом. Я хотел только напомнить сам, что нужно внимательнее читать газеты, не то что-нибудь упустите и не успеете принять меры.

Буллингер. Не знаю, почему я все вожусь с тобой, с моей стороны это просто какое-то извращение, кажется, мне просто хочется посмотреть, как далеко такой тип, как ты, может зайти в игре со смертью.

Швейк. Именно, господин шарфюрер. И еще потому, что вы хотите получить песика.

Буллингер. Ты признаешь, что послал мне письмо, в котором требовал, чтобы я заплатил тебе двести крон за шпица?

Швейк. Господин шарфюрер, я подтверждаю, что я хотел получить двести крон, ведь если бы собаку не украли, я имел бы большие издержки.

Буллингер. Мы с тобой еще побеседуем на эту тему в гестапо! (Эсэсовцам.) Обыкать весь трактир, нет ли где шпица!

Один из эсэсовцев уходит. Слышен грохот опрокинутой мебели, треск ломаемых предметов и т. д.

Швейк (ожидает с философическим спокойствием, держа сверток под мышкой; внезапно). Тут у нас отличная сливовица.

Один из эсэсовцев, проходя, толкает человека маленького роста. Тот, пятясь, успевает наступить на ногу даме и сказать "прошу прощения", на эти слова оборачивается эсэсовец, ударяет его дубинкой и по знаку Буллингера выволакивает его. Вслед за этим из задней комнаты эсэсовец выводит пани

Копецку.

Эсэсовец. Обыскал весь дом. Собаки нет.

Буллингер (Копецкой). Вот, значит, что такое ваш невинный трактир опасное осиное гнездо подрывной деятельности. Ну так я его выжгу.

Швейк. Конечно, господин шарфюрер, хайль Гитлер! А то мы можем распоясаться, начать дерзить, нарушать предписания. Пани Копецка, вы должны так вести дело, чтобы все было яснее-ясного, как вода в проточном пруду, как сказал капеллан Вейвода, когда он...

Буллингер. Замолчи, сволочь! Я, наверно, заберу тебя с собой, а вашу лавочку прикрою, госпожа Копецка.

Бретшнейдер (который только что появился в дверях). Господин шарфюрер, можно вас на пару слов с глазу на глаз?

Буллингер. Не представляю себе, о чем бы я мог беседовать с вами. Вы отлично знаете, какого я о вас мнения.

Бретшнейдер. Речь идет о новой информации насчет местонахождения исчезнувшей собаки господина Войты. Эту информацию мы получили в гестапо, она должна вас явно заинтересовать, господин шарфюрер Буллингер.

Оба отходят в угол и начинают отчаянно жестикулировать. Похоже, что Бретшнейдер уверяет Буллингера в том, что собака у него, - Буллингер же словно негодуяше восклицает: "У меня?" Пани Копецка невозмутимо возвращается к своим стаканам и перетирает их. Швейк стоит безучастно, но исполнен дружелюбия. К несчастью, Балоун предпринимает энергичную попытку получить свой сверток. По его знаку, один из посетителей берет сверток у Швейка и передает дальше. Сверток попадает в руки Балоуна, и тот начинает торопливо разворачивать его. Странствия свертка привлекли внимание одного из эсэсовцев.

Эсэсовец. Эй, что там у вас такое? (В два прыжка оказывается возле Балоуна, отнимает сверток и вручает его Буллингеру.) Господин шарфюрер, этот сверток только что был контрабандой переправлен одному из посетителей, вон тому, смотрите!

Буллингер (разворачивает сверток). Мясо! Владелец, два шага вперед!

Эсэсовец (Балоуну). Эй, вы там! Вы вскрыли сверток.

Балоун (растерявшись). Его мне подбросили. Он мне не принадлежит.

Буллинггер. Ах, он вам не принадлежит, вот как? Итак, видимо, это мясо ничье? (Вдруг зарычал.) Почему же вы его развернули в таком случае?

Швейк (так как Балоун не может придумать никого ответа). Осмелюсь доложить, господин шарфюрер, этот болван ни в чем не виноват, он и не стал бы развертывать и смотреть, если бы мясо ему принадлежало, он ведь знал бы, что в свертке.

Буллинггер Балоуну). От кого ты его получил?

Эсэсовец (так как Балоун снова не отвечает). Сперва я заметил, как этот гость (показывает на гостя) передал пакет дальше.

Буллинггер. Откуда ты его получил?

Гость (жалобно). Его мне подбросили, не имею понятия кто.

Буллинггер. Этот трактир, видимо филиал черного рынка. (Бретшнейдеру.) За хозяйку вы готовы были дать руку на отсечение, если я не ошибаюсь, не так ли, господин Бретшнейдер?

Копецка (выступая вперед). Господа, трактир "У чаши" не филиал черного рынка.

Буллинггер. Ах вот как? (Бьет ее по лицу.) Я вам покажу, свинья чешская!

Бретшнейдер (взволнованно). Я вынужден просить вас бездоказательно не осуждать госпожу Копецку, я знаю, что она не имеет никакого отношения к политике.

Копецка (очень бледная). Вы не смеете меня бить.

Буллинггер. Как? Вы смеете мне противоречить? (Бьет ее снова.) Увести!

Копецка хочет броситься на Буллинггера, эсэсовец бьет ее по голове,

Бретшнейдер (наклоняясь над Копецкой, упавшей на пол). Вы за это еще ответите, Буллинггер. Вам не удастся отвлечь внимание от истории с собакой пана Войты.

Швейк (выступая вперед). Осмелюсь доложить, я все объясню. Сверток этот не принадлежит никому из здешних посетителей. Я знаю это потому, что я сам положил его здесь.

Буллинггер. Значит, это ты!

Швейк. Сверток принадлежит одному господину, он дал мне его подержать и ушел, сказал, что идет в отхожее место. Господин этот среднего роста, блондин, с бородой.

Буллинггер (изумленный таким наглым враньем). Ты что, слабоумный?

Швейк (серьезно смотрит ему в глаза). Как я вам уже однажды объяснил именно так. Соответствующая комиссия официально признала меня идиотом. В связи с этим обстоятельством меня освободили от отбывания добровольной трудовой повинности.

Буллинггер. Ну а для торговли из-под полы ты достаточно умен, не так ли? Ты еще поймешь у нас в гестапо, что тебе ничегошеньки не поможет, хоть бы у тебя было сто таких свидетельств!

Швейк (мягко). Осмелюсь доложить, господин шарфюрер, что я это ясно понимаю, что мне ничего не поможет, вся беда в том, что я с малолетства попадаю в такие истории, хотя у меня при этом наилучшие намерения, и мне всегда хочется сделать то, чего от меня требуют. Например, в Грослотау я помогал супруге школьного сторожа развешивать белье. Если бы вы пожелали выйти со мной в сени, я бы рассказал вам, что из этого вышло! Я угодил в спекуляцию, как Понтий Пилат в Евангелие.

Буллинггер (уставившись на него). Я вообще не понимаю, почему я тебя слушаю, и теперь и прежде. Должно быть, потому, что я еще никогда не видывал такого преступника и смотрю на него как замороженный.

Швейк. Это примерно так, как если бы вы вдруг увидели льва на Карловой улице, где они обычно не водятся, или как в Хотеборе один почтальон застал свою супругу с дворником и заколол ее. Он сразу пошел в полицейский участок, чтобы донести на себя, и, когда они спросили его, что он сделал после убийства, заявил, что, выйдя из дому увидел на углу совершенно голого человека, так что полицейские решили, что он спятил, и отпустили его, но через два месяца после этого выяснилось, что в ту самую пору из тамошнего сумасшедшего дома убежал один псих и так и разгуливал в чем мать родила, а ОБИ и не

поверили почтальону, хотя это была истинная правда.

Буллингер (с удивлением). Я все еще тебя слушаю, никак не могу оторваться. Я знаю - у вас на уме, что Третья империя просуществует еще годик или десять годиков, но мы будем держаться не меньше десяти тысяч лет. Ну чего ты вылупился, остолоп?

Швейк. Ну, это уж слишком, как сказал пономарь, когда женился на трактирщице, а она на ночь вынула челюсть изо рта и положила в стакан с водой.

Буллингер. Мочись ты желтым или зеленым?

Швейк (приветливо). Осмелюсь доложить, желтым с прозеленью, господин шарфюрер.

Буллингер. Хватит. Сейчас ты последуешь за мной, хотя бы некоторые господа (показывает на Бретшнейдера) готовы были дать за тебя не только руку, но даже ногу на отсечение.

Швейк. Так точно, господин шарфюрер, должен быть порядок. Торговля из-под полы - это зло, и она не прекратится, пока все не исчезнет. Тогда сразу наступит полнейший порядок, что - я неправ?

Буллингер. И все-таки мы еще разыщем собаку! (Уходит со свертком под мышкой.)

Эсэсовцы хватают Швейка и уводят с собой.

Швейк (уходя, добродушно). Надеюсь только, что вы не разочаруетесь в песике. А то с некоторыми клиентами случается, что собака, на которой они были помешаны и ради которой были готовы на все, быстро перестает им нравиться.

Бретшнейдер (Копецкой, которая пришла в себя). Госпожа Копецка, вы стали жертвой отдельных конфликтов между отдельными органами, больше я ничего не скажу. Однако вы находитесь под моей защитой, я скоро вернусь, и мы с вами обсудим с глазу на глаз создавшееся положение. (Уходит.)

Копецка (шатаясь, возвращается к стойке, обматывает окровавленный лоб посудным полотенцем). Кому-нибудь пива?

Кати (смотрит на котелок Швейка, который все еще висит над его столиком). Они даже не позволили ему захватить с собой котелок!

Посетитель. Живым он от них уже не уйдет.

Робко входит молодой Прохазка. Вне себя смотрит на окровавленную повязку Копецкой.

Молодой Прохазка. Кто это вас так, пани Копецка? Я видел, как эсэсовцы отсюда уезжали. Это они?

Посетители. Они огрели ее дубинкой по голове, они сказали, что это заведение - черный рынок.

- Даже пан Бретшнейдер из гестапо вступился за нее, а не то бы ее тоже посадили.

- Однако одного пана они увели отсюда.

Копецка. Пан Прохазка, вам нечего делать в моем трактире. Здесь бывают только истинные чехи.

Молодой Прохазка. Поверьте мне, пани Анна, я за это время много перестрадал и многое понял. Неужели я уже не должен надеяться, что смогу загладить свою вину? (Под ледяным взглядом Копецкой съеживается и, совершенно раздавленный, исчезает.)

Кати. Они тоже очень нервничают, эти эсэсовцы, а знаете почему? Вчера одного из них выловили из Влтавы с дырой в левом боку.

Анна. Они немало чехов пошвыряли в реку.

Посетитель. Все потому, что на востоке у них дело дрянь.

Первый посетитель (Балоуну). Тот, кого они увели, не ваш приятель?

Балоун (обливается слезами). Я во всем виноват. И все из-за моей прозорливости. Сколько уже раз я молил деву Марию, чтобы она дала мне сил и как-нибудь сократила бы мой желудок, что ли, но ничего мне не помогает, ничего! Лучшего моего друга я втянул в такое дело, что, может быть, они его расстреляют этой же ночью, а если нет, его счастье, тогда значит, они его на рассвете пустят в расход.

Копецка (ставит ему рюмку сливовицы). Пейте. Слезами горю не поможешь.

Балоун. Господь бог за все вам воздаст. Вас я разлучил с вашим обожателем, лучшего вы не найдете, но и он слабый человек. Если бы я дал клятву, о которой вы меня просили, все бы выглядело далеко не так безнадежно. Если бы я сейчас мог дать эту клятву - но могу ли я дать ее? Натощак? (Великий боже, что с нами будет?)

Один из гостей бросает монетку в щель пианолы. В машине зажигается свет, на ее крышке появляется луна над Влтавой, торжественно несущей свои воды.

Копецка (полощет стаканы и поет "Песню о Влтаве").

Течет наша Влтава, мосты омывает,
Лежат три монарха в червивых гробах.
Порою величье непрочным бывает,
А малая малость растет на глазах.
Двенадцать часов длится темная темень,
Но светлое утро нам явит свой лик.
И новое время, всевластное Время
Сметает кровавые планы владык.

Течет наша Влтава, мосты омывает,
Лежат три монарха в червивых гробах.

Порою величье непрочным бывает,
А малая малость растет на глазах.

ИНТЕРМЕДИЯ В ВЫСШИХ СФЕРАХ

Гитлер и генерал фон Бок, по прозвищу "Душегуб", перед картой Советского Союза. Оба сверхъестественных размеров. Военственная музыка.

Фон Бок.

Мой фюрер, ведем мы войну на востоке,
Где наши потери в танках, пушках и самолетах
весьма жестоки.

Прикажете доложить о людских потерях? Нужно
ль? Едва ли!

Поскольку солдаты меня душегубом прозвали.

Играем ва-банк мы - признаться надо,
И все же не можем взять Сталинграда!

Гитлер.

Господин генерал фон Бок,
Неужели вам невдомек,
Немцам я обещал, что возьму Сталинград и победу
им в дар принесу.

Фон Бок.

Господин Гитлер, зима на носу.
Эти восточные области - настоящее царство мороза.
Промедление смерти подобно, в нем таится угроза!

Гитлер.

Господин фон Бок, я телами народов Европы
заткну всех проломов следы.

Маленький человек вызволит меня из беды.

Господин фон Бок, не оставляйте меня
наедине с судьбой...

Фон Бок.

Ну, а резервы...

Гитлер.

Я обеспечу, само собой.

VII

Камера в военной тюрьме, где чешские заключенные ожидают решения относительно

их годности к военной службе. Среди них Швейк. Обнаженные до пояса, они ожидают своей участи, симулируя всяческие болезни. Один из них,

например, лежит на полу, вытянувшись как умирающий.

Человек, согнувшийся в три погибели. Я связался с моим адвокатом и получил очень успокоительные сведения. Они не могут заткнуть нас в легион добровольцев, если только мы сами этого не пожелаем. Это противозаконное мероприятие.

Человек с костылями. Чего же вы это так согнулись, если вам не угрожает военная служба?

Согнувшийся. Просто так, на всякий случай.

Человек с костылями издевательски посмеивается.

Умирающий. Они не посмеют, ведь мы инвалиды. Они и так знают, что их "е больно-то любят.

Близорукий (торжествуя). В Амстердаме, говорят, идет один немецкий офицер но так называемому Грахту, по улице вдоль канала, он уже нервничает, все это происходит в одиннадцатом часу ночи, и спрашивает он, значит, у одного голландца, который час. Тот смотрит на него мрачно и отвечает только: "Мои стоят". Офицер нахмурился, пошел дальше, обратился к другому, а тот сразу сказал, опередив вопрос, что он оставил часы дома. Говорят, этот офицер застрелился.

Умирающий. Просто не выдержал презрения.

Швейк. Но чаще, чем себя, они застреливают других. Во Врослове одного трактирщика обманула жена с его родным братом, так он наказал эту парочку презрением, и ничем больше. Он положил ее трико, которое обнаружил в повозке, принадлежавшей брату, на ночной столик и думал, что она сгорит со стыда. А они, это жена с братом, объявили его невменяемым в окружном суде, продали все его хозяйство и укатили вместе. Только вот в чем он был прав жена его призналась одной своей подруге, что ей действительно стыдно, что она берет с собой мужнее зимнее пальто.

Согнувшийся. За что это вы сюда угодили?

Швейк. За торговлю из-под полы. Они могли меня попросту расстрелять, но гестаповцам я понадобился как свидетель против эсэсовцев. Словом, я имел некоторую выгоду от раздора между большими господами. Они обратили внимание на то, что мне повезло с фамилией, вот оно как, потому что я Швейк через "е", вот если бы я был Швайк - через "а", - я был бы немецкого происхождения, и тут-то бы меня и призвали.

С костылями. Они уже забирают в армию даже из тюрьмы.

Согнувшийся. Но только лиц немецкого происхождения.

С костылями. Или тех, кто добровольно немецкого происхождения, как, скажем, этот вот господин.

Согнувшийся. Одна надежда на инвалидность.

Близорукий. Я близорук, военных званий не различаю и не могу отдавать честь.

Швейк. Тогда вас можно заткнуть в батарее слухачей, которая докладывает о вражеских самолетах, а если вы слепы, это даже к лучшему, у слепцов развивается особенно острый слух. Вот один мужик в Соце, например, выколол своей собаке глаза, чтобы она лучше слышала, так что вы тоже найдете себе применение.

Близорукий (в отчаянии). Я знаю одного трубочиста в Бревнове, он вам за десять крон может устроить такую лихорадку, что вы прямиком выпрыгнете в окошко.

Согнувшийся. Это пустяки, вот в Вршовицах есть одна повивальная бабка, так она за двадцать крон устроит вам такой вывих, что вы до скончания дней калекой останетесь.

С костылями. Мне устроили вывих за пять крон.

Умирающий. Ну а мне ничего платить не надо было. У меня самая доподлинная ущемленная грыжа.

С костылями. Они вас положат на операцию в госпиталь, в Панкраще, и что вы тогда запоете?

Швейк (веселым голосом). Послушать вас, так можно подумать, что вам вовсе и не

хочется на войну, которая ведется для защиты цивилизации от большевизма.

Входит солдат и возится с парашей.

Солдат. Вы снова парашу обделали. Вам надо еще научиться испражняться, свиньи вы, свиньи!

Швейк. Вот у нас как раз зашла речь о большевизме. Знаете ли вы, что такое большевизм? Это верный союзник Уолл-стрита по заговору, которым руководит еврей Розенфельд, засевающий в Белом доме, - вот они и решили добиться нашей гибели.

Солдат продолжает возиться с ведром, он хочет выслушать все до конца, поэтому Швейк терпеливо продолжает.

Швейк. Но они еще нас плохо знают. Вы слышали, что совершил канонир Ябурек из Перемышля в первую мировую войну, когда мы еще с царем воевали? (Поет.)

Он в расчете был второй
И сражался как герой,
Он в расчете был второй
И сражался как герой.
Два снаряда прилетело,
Руки вырвало из тела,
Но герой стоять остался,
По-геройски он сражался!
Он в расчете был второй
И сражался как герой,
Он в расчете был второй
И сражался как герой!

Русские воюют только потому, что должны воевать. У них нет сельского хозяйства, потому что они выкорчевали крупных помещиков, и их промышленность пришла в упадок из-за бессмысленной уравниловки и еще потому, что рассудительные рабочие выражают недовольство слишком крупными директорскими окладами. Короче говоря, ничего там нет, и, как только мы все это завоюем, американцы придут к шапочному разбору. Верно я говорю?

Солдат. Заткни глотку. Болтать здесь не положено. (Уходит злой, уносит парашу.)

Умиравший. По-моему, вы шпик.

Швейк (весело). Да что вы, никогда! Я просто постоянно слушаю немецкое радио. И вам бы следовало слушать почаще, это очень мило.

Умиравший. Стыд и срам, а вовсе не очень мило!

Швейк (уверенно). Нет, это очень поучительно.

Близорукий. Нечего им еще лезть в задницу.

Швейк (поучающе). Не говорите. Это великое искусство. Иные мелкие твари были бы очень довольны, если бы им удалось таким путем подольститься к тигру. Тогда тигру уже их не достать и можно чувствовать себя в относительной безопасности, но вот беда: трудно влезть.

Согнувшийся. Только не говорите таких пошлостей - противно видеть, как чехи все чернят.

Швейк. Так однажды Ярослав Ванек сказал чахоточному лотошнику. Трактирщик в "Лебеде", в Будейовицах, долговязый тип, налил ему только половину, и заморыш ничего на это не сказал, а Ванек возьми ему и брякни: "Как вы можете терпеть такое, вы становитесь соучастником". Ну лотошник и смазал Ванека разок по морде, только и всего. А теперь я позвоню, чтобы они поторапливались там со своей войной, у меня время тоже не краденое... (Встает.)

Толстячок (до сих пор сидевший в стороне от других). Вы не позвоните.

Швейк. А почему бы и нет?

Толстячок (непререкаемо). Потому что война и так достаточно быстро идет.

Умиравший. Вот именно. А вас за что замели?

Толстячок. За то, что у меня украли собаку.

Швейк (заинтересованно). Не шпица ли?

Толстячок. Откуда вы это знаете?

Швейк. Бьюсь об заклад, что ваша фамилия - Войта. Очень рад, что встретил вас тут. (Протягивает ему руку.)

Толстячок не обращает на это внимания.

Я Швейк, это имя вам, по всей вероятности, ничего не говорит, но вы можете пожать мою руку, бьюсь об заклад, что вы уже больше не друг немцев, раз вы сидите здесь.

Толстячок. Я, по показаниям моей служанки, обвинил эсэсовцев в том, что они похитили мою собачку, достаточно этого, да?

Швейк. Более чем достаточно. У нас в Будейовицах был один учитель, так вот один ученик, которому он здорово досадил, обвинил его в том, что он во время богослужения под звуки органа положил себе газету на пульт. Он был очень религиозный человек, и жена его страдала оттого, что он запрещал ей носить короткие платья, но церковники его до того замордовали и замучили своими придирками, что он заявил под конец, что не верит теперь даже в брак в Кане Галилейской. Либо вы двинетесь в поход на Кавказ, либо покажете Гитлеру дулю - как сказал хозяин "Лебеда", все зависит от того, кто кому на голову нагадит.

Толстячок. Если ваша фамилия Швейк, то я должен сообщить вам, что, когда меня привели к воротам тюрьмы, ко мне подбежал какой-то молодой человек. Он успел шепнуть мне: "Спросите о пане Швейке", а потом они отомкнули ворота. Он, наверно, еще стоит там, внизу.

Швейк. Сейчас посмотрю. Я ждал, что утром перед тюрьмой обязательно соберется небольшая кучка людей, хозяйка "Чаши" и, пожалуй, еще один здоровенный толстяк, и будут они ждать пана Швейка, и напрасно. Подсадите меня. (Подходит к окошечку камеры и взбирается на спину человека с костылями, чтобы посмотреть на улицу.) Это Прохазка. Он едва ли увидит меня. Дайте мне костыли. (Берет костыли и размахивает ими. По-видимому, Прохазка увидел его, и Швейк объясняется с ним размашистыми жестами. Он как бы изображает крупных размеров человека с бородой - Балоуна - и как бы кладет что-то в рот, а потом как бы держит нечто под мышкой. Затем он спрыгивает со спины человека с костылями.) Вы, наверно, удивлены, что это я делаю. Тут у нас состоялся молчаливый сговор, ради которого он, собственно, и пришел. Я всегда подозревал, что он порядочный человек. Я только повторял то, что он делал, чтобы он увидел, что я все понял. Он, видно, хотел, чтобы я с легкой душой отправился в русский поход.

Снаружи доносится команда, потом топот марширующих ног, затем начинает играть музыка. Это марш "Хорст Вессель".

Умиравший. Что там стряслось? Вам было что-нибудь видно?

Швейк. У ворот целая куча народу, должно быть, батальон уходит.

Согнувшийся. Какая отвратительная музыка.

Швейк. Я нахожу ее очень красивой, ведь она такая печальная и в то же время с шиком.

С костылями. Скоро мы будем слышать ее еще чаще. Они играют "Хорст Вессель" где только могут. Этот марш сочинил один из ихних прихвостней. Хотел бы я знать, что означают слова.

Толстячок. Могу вам перевести:

Под знаменем сплоченными рядами

Штурмовики идут по мостовой.

Погибшие друзья уже не маршируют с нами,

Но с нами вместе дух их боевой.

Швейк. Я знаю и другой текст, так мы пели в нашем трактире. (Поет под музыку военного оркестра таким образом, что припев ложится на основную мелодию, а предшествующие припеву строфы - на барабанный бой, перемежающий мелодию.)

Телки под музыку

Шествуют сдуру,

На барабан
Отдают свою шкуру.
Зовет мясник. С закрытыми глазами
Скотина прет по крепкой мостовой.
Погибшие скоты уже не с нами,
Навозный дух их с нами, как живой!
Подняли руки они
После расправы,
Руки еще пусты,
Хотя и кровавы!
Зовет мясник. С закрытыми глазами
Скотина прет по крепкой мостовой.
Погибшие скоты уже не с нами,
Навозный дух их с нами, как живой.
Веют с трестами крючкатыми
Флаги.
Эти крючки для тебя,
Для бедняги!
Зовет мясник. С закрытыми глазами
Скотина прет по крепкой мостовой.
Погибшие скоты уже не с нами,
Но с нами вместе дух их боевой.

Другие заключенные подхватывают припев начиная со второй строфы. В конце песни дверь камеры открывается и появляется немецкий военный врач.

Военный врач. Как хорошо, что вы так весело распеваете. Вам, вероятно, приятно будет узнать, что я считаю вас достаточно здоровыми для того, чтобы вас можно было взять в германскую армию. Вот мы вас и возьмем. Немедленно встать и надеть рубашки. На подготовку к маршу - десять минут. (Уходит.)

Заключенные, совершенно подавленные, натягивают рубашки.

Согнувшийся. Без медицинского осмотра - это совершенно противозаконно.

Умиравший. У меня рак желудка, я могу это доказать.

Швейк (обращаясь к толстячку). Они заткнут нас в разные воинские части, чтобы мы не были вместе и не подложили им свинью. Итак, прощайте, пан Войта, меня очень обрадовала наша встреча, и до свиданья в трактире "У чаши" в шесть часов вечера после войны. (Тронутый до слез, трясет руку Войты и, когда двери камеры снова открываются, выходит первый, строевым шагом.) Хайтлер! Вперед, на Москву!

VIII

Спустя несколько недель. В глубине зимних русских степей марширует бравый солдат Гитлера - Швейк. Он ищет свою часть, находящуюся в районе

Сталинграда. Швейк закутан во множество одежек, ему холодно.

Швейк (поет).

Как вошли мы в Яромыр,

Были мы простужены.

Тем не менее как раз

Мы успели к ужину.

Немецкий патруль задерживает его.

Первый солдат. Стой! Пароль!

Швейк. Окончательная победа. Не можете ли вы мне сказать, как дойти до Сталинграда? Я по несчастной случайности отбил от своей маршевой роты и шагаю уже целый день.

Первый солдат проверяет его документы.

Второй солдат (протягивая ему фляжку). Ты откуда родом?

Швейк. Из Будейовиц.

Солдат. Так, значит, ты чех?

Швейк (кивая). Там, на передке, слышал я, дела идут неважно.

Солдаты переглядываются и зло посмеиваются.

Первый солдат. Что же ты там потерял, ежели ты чех?

Швейк. Черта лысого я там потерял, я пришел на подмогу и защищаю цивилизацию от большевизма так же, как и вы, иначе получишь пулю в грудь, не правда ли?

Первый солдат. А может, ты дезертир?

Швейк. Нет, никоим образом, а то бы вы меня тут же пустили в расход за то, что я нарушил присягу и не помер за фюрера. Хайль Гитлер!

Второй солдат. Так, значит, ты из убежденных? (Отбирает у него фляжку.)

Швейк. Я такой же убежденный, как Тонда Новотный из Высочан, который пришел наниматься в причетники. Он только не знал - протестантская это церковь или католическая. Но так как он увидел господина священника в подтяжках с некоей особой женского пола, то решил, что церковь протестантская, и ошибся.

Первый солдат. А зачем тебе обязательно нужен Сталинград, ты, союзничек?

Швейк. Потому что там расположилась моя ротная канцелярия, браточки, там мне должны поставить штамп, что я явился, а иначе мои документы дерьмо, и я с ними не смогу больше показаться в Праге. Хайль Гитлер!

Первый солдат. Ну а если мы тебе скажем, что плевать мы хотели на Гитлера и что мы собираемся перебежать к русским и захватить тебя с собой, потому что ты знаешь русский язык, ведь чешский похож на русский?

Швейк. Чешский чрезвычайно похож, но я бы, пожалуй, вам не советовал, я еще здесь не осмотрелся, господа. Я хотел бы лучше выяснить, как дойти до Сталинграда.

Второй солдат. Это потому, что ты нам не доверяешь? Поэтому?

Швейк (дружелюбно). Мне хотелось бы считать вас бравыми солдатами. Потому что, если бы вы были дезертирами, вам следовало бы обязательно захватить что-нибудь для русских - пулемет или, может быть, хорошую стереотрубу - что-нибудь, что может им пригодиться. А как пойдете поднимите эту штуку повыше, чтобы они сразу не начали стрелять. Вот как это делается, так я слышал.

Первый солдат (смеется). Ты считаешь, что они поймут, если это даже не по-русски? Все ясно, ты из осторожных. И потому уверяешь нас, что тебя интересует лишь, где будет твоя могила в Сталинграде; так иди вот по этому направлению. (Показывает.)

Второй солдат. А если тебя кто-нибудь спросит, мы - военный патруль и проверяли всю твою подноготную, заруби себе это на носу.

Первый солдат (уходя). Ты, братец, дал нам хороший совет.

Швейк (машет им вслед). Да будет так, и до свиданья!

Солдаты быстро удаляются, и Швейк идет дальше в указанном ему направлении. Но становится видно, что он отклонился от него, сумрак скрывает Швейка. Потом он снова появляется уже на другой стороне сцены. Здесь он ненадолго задерживается около дорожного указателя с надписью: "До Сталинграда 50 км". Швейк качает головой и идет дальше. По небу проносятся облака, окрашенные

заревом далекого пожара. На ходу Швейк смотрит на них с интересом.

(Поет.)

Думал я уйти отсюда

При ногах и голове,

Думал, что служить я буду

Так недельку или две!

Пока он шагает, покуривая трубочку, облака бледнеют, исчезают, и в розоватом свете появляется столик Швейка в трактире "У чаши". Друг Швейка Балонун стоит на коленях перед Копецкой. Копецка стоя вышивает. За столиком с кружкой пива сидит Анна.

Балоун (словно читая молитву). Итак, я клянусь без всяких задних мыслей и на пустой желудок, так как все попытки дагбыть жаркое провалились, клянусь, - так и не получив приличного обеда, клянусь девой Марией и всеми угодниками, что я никогда добровольно не вступлю в нацистскую армию, и да поможет мне в этом всемогущий бог. Я делаю это в память о моем друге пане Швейке, который теперь шагает по ледяным степям России, верный своему долгу, потому что ничего тут не попишешь. Он был хороший человек.

Копецка. Так, теперь вы можете встать.

Анна (делает глоток, встает и обнимает его). И свадьба может состояться, как только придут бумаги из Противина. (Поцеловав его, обращается к Копецкой.) Жаль, что у вас так плохо вышло.

Молодой Прохазка стоит в дверях со свертком под мышкой.

Копецка. Пан Прохазка, я же запретила вам переступить порог моего дома, между нами все кончено. Вашей великой любви не хватает даже на два фунта вырезки.

Молодой Прохазка. Ну а если я принес их? (Показывает.) Два фунта вырезки.

Копецка. Как, вы все-таки принесли? Несмотря на все кары, которые грозят вам?

Анна. И все это уже ни к чему, ведь правда? Пан Балоун и без того поклялся нам.

Копецка. Но зато это доказательство искренней любви со стороны пана Прохазки. Рудольф! (Пылко обнимает его.)

Анна. Пан Швейк очень обрадовался бы, если бы узнал об этом, он был такой добрый человек! (Бросает нежный взгляд на котелок Швейка, висящий над его постоянным столиком.) Получше храните его шляпу, пани Копецка, я уверена, что лан Швейк после войны снова придет за ней.

Балоун (принюхиваясь к свертку). К такому мясу очень пойдут бобы.

Трактир исчезает. Из глубины сцены ковыляет пьяный субъект в двух толстых овчинных тулупах и стальном шлеме. Швейк натывается на него.

Пьяный. Стой! Ты кто? Я вижу, ты один из наших, а не горилла, хвала всевышнему! Я - фельдкурат Игнаций Буллингер из Меца. Нет ли у вас случайно при себе вишневки?

Швейк. Осмелюсь доложить, чего нет - того нет.

Фельдкурат. Это меня поражает. Она нужна мне не для того, чтобы напиться вдрызг, как ты, вероятно, подумал про себя, ты, рвань, я знаю, вот как ты думаешь о своем отце духовном, нет - вишневка нужна мне для моей автомашины. Там, понимаешь, машина с полевым алтарем застряла, бензин весь вышел, они там в Ростове скупердьяничают, норвят урвать лишнюю каплю бензина у господ бога, но это им дорого обойдется, когда господь призовет их к своему престолу и спросит их громовым голосом: "Вы моторизовали мой престол, но куда же все-таки девался бензин?"

Швейк. Не могу знать, господин хороший! Не знаете ли вы,, как пройти в Сталинград?

Фельдкурат. одному богу известно. Знаешь, как один епископ в шторм спросил у капитана: "Ну как, спасемся?" - а капитан ответил ему: "Все в руке божией, ваше святейшество!" - и епископ пробормотал только: "Неужели дела обстоят настолько скверно?" - и зарыдал. (Сел в снег.)

Швейк. Господин шарфюрер Буллингер не братом ли вам приходится?

Фельдкурат. Точно, как бог свят. Так ты его, выходит, знаешь? Нет у тебя вишневки или водки?

Швейк. Никак нет, и вы простудитесь, если будете сидеть в сугробе.

Фельдкурат. Так мне и надо. Они там, сволочи, бензин экономят, но еще посмотрим, как они обойдутся без господ бога и без слова божьего, смогут ли они выбраться из этой битвы. На суше, на море, в воздухе и так далее. Я только ценой тяжелого конфликта со своей совестью вступил в их нацистский союз германских христиан. Я вынужден проповедовать, что Христос не был евреем, что он христианин, так я говорил в проповеди, да, он был христианин и притом голубоглазый, и мне еще пришлось приплести сюда же Вотана и уверять, что весь мир должен быть немецким, если даже это и будет стоять потоков крови, потому что я гнусная свинья, вероотступническая свинья, я предал веру свою за приличный

оклад, и бензина они мне дают в обрез, и вот гляди, куда они меня завели!

Швейк. В российские степи, господин фельдкурат. И вам будет лучше вернуться со мной в Сталинград и там постараться вздремнуть, чтобы хмель слетел. (Приподнимает фельдкурата и тащит его за собой несколько метров.) Но вам бы лучше самому ходить, ножками, иначе мне придется оставить вас здесь, на снегу, я спешу в своей маршевый батальон, спешу выручать Гитлера,

Фельдкурат. Не могу же я бросить здесь свой полевой алтарь, иначе он станет добычей большевиков, что тогда? Ведь они же язычники! Там, впереди, я проходил мимо одной хатенки, труба дымилась, надо выяснить, нет ли у них водки, если есть - стукни их разочек по башке прикладом, и баста. Ты германский христианин?

Швейк. Нет, обыкновенный. Только не блюйте, пожалуйста, блевотина замерзает на вас.

Фельдкурат. Да, я чертовски замерз. Ну уж и задам же я им жару в Сталинграде!

Швейк. Прежде всего вам надо оказаться там.

Фельдкурат. У меня уже нет особой уверенности. (Спокойно, почти трезвым голосом.) Ты знаешь - как тебя там, собственно, звать, - ведь они смеются мне прямо в лицо, мне, служителю божию, когда я грожу им муками ада? Я объясняю это только тем, что у них создалось впечатление, что они уже и так в пекле. От религии остались жалкие клочья, и Гитлер этому виной, только никому не говори об этом.

Швейк. Гитлер - дерьмо, это я тебе говорю, потому что ты вдребезги пьян. А виноваты во всем те, кто ему в Мюнхене презентовал Чехословакию ради "мира на всю нашу жизнь". Но он оказался молниеносным миром! А война, наоборот, затянулась, и многим ее хватило на всю жизнь, до самой смерти, вот как порой люди обмишуливаются.

Фельдкурат. Значит, тебе не нравится война, которую мы вынуждены вести против русских безбожников, ты, негодяй? Ты знаешь, что я тебя за это прикажу расстрелять в Сталинграде?

Швейк. Если вы не возьмете себя в руки и не пойдете ножками, вы так никогда и не доберетесь до Сталинграда. Я не против войны. Я шагаю в Сталинград не ради удовольствия, а потому, что, как сказал повар Начек еще в первую мировую войну, "там, где пули свистят, там в аккурат и полевые кухни располагаются".

Фельдкурат. Не заговаривай мне зубы. Я знаю, ты говоришь про себя: "Пусть они поцелуют меня в задницу с ихней войной", я тебя насквозь вижу. (Хватает его за грудь.) Почему это ты вдруг за войну? Что ты от нее имеешь? Признавайся: ты плевать на нее хотел?

Швейк (грубо). Я иду в Сталинград, и ты тоже, потому что таков приказ и потому что мы, как уединенные странники в этих краях, можем тут попросту околоть с голоду, долго я это тебе объяснять буду?

Они шагают дальше.

Фельдкурат. Война на своих двоих действует на меня угнетающе. (Останавливается.) Видишь, вот там хатенка, туда-то мы и пойдём. Винтовка у тебя в боевой готовности?

Появляется хата. Они идут к ней.

Швейк. Только, бога ради, не устраивайте скандала, ведь они тоже люди, а вы почти в стельку.

Фельдкурат. Бери винтовку на изготовку, они язычники, не смей прекословить!

Из хаты выходят старая крестьянка и молодая женщина с маленьким ребенком.

Смотри, они хотят убежать. Но мы не допустим. Спроси, где они водку зарыли. И еще гляди-ка, что на ней за шаль, шаль я себе возьму, я дьявольски мерзну.

Швейк. Вы замерзаете потому, что пьяны, а на вас уже целых два тулупа. (Обращаясь к молодой женщине, которая стоит неподвижно.) Добрый день, не скажете, где дорога на Сталинград?

Женщина указывает направление, как бы машинально.

Фельдкурат. Она признается, что у них есть водка?

Швейк. Ты седи себе смирно, я сам договорюсь, а потом мы пойдём дальше, я не хочу

скандала. (Обращаясь к женщине, дружелюбно.) Почему вы стоите здесь, перед хатой? Что, вы уходите собралась?

Женщина кивает.

Но шаль-то у вас тонковата. Что, вам больше нечего надеть? А то эта не больно греет.

Фельдкурат (сидя на снегу). Разочек прикладом стукнуть - и все. Это же гориллы. Язычники.

Швейк (грубо). Придержи язык. (Женщине.) Водка есть? Господин офицер заболел. (Сопровождает все вопросы поясняющими жестами.)

Женщина качает головой.

Фельдкурат (злобно). Головой качаешь? Вот я укоюшу тебя! Я мерзну, а ты головой качаешь? (С трудом поднимается и бросается с поднятыми кулаками на женщину.)

Она отступает назад в хату, затворяя за собой дверь.

(Толкает ногой дверь и вламывается внутрь.) Я тебя прикончу!

Швейк (тщетно пытавшийся удержать фельдкурата). Выйдите оттуда! Вы не у себя дома. (Входит в дом.)

Старуха идет вслед за ним. Слышен крик женщины и шум борьбы. Голос Швейка изнутри: "Вы тоже уберите нож. Будешь вести себя спокойно? Я тебе руки выверну, ты, свинья. Теперь выходите!" Из хаты выходит женщина с ребенком. На ней тулуп фельдкурата.

Следом за ней идет старуха.

(Выходя вслед за ними из хаты.) Пусть проспится. А пока - постарайтесь исчезнуть.

Старуха (кланяется в пояс). Храни тебя господь, солдатик, ты добрый человек, если бы у нас был лишний кусок хлеба, я бы дала тебе ломоть. Тебе бы он пригодился. Куда же ты идешь?

Швейк. Эх, мамаша, в Сталинград, в самое пекло. Не можете ли растолковать, как мне туда добраться?

Старуха. Ты славянин, говоришь, почти как мы, ты не убиваешь, значит, ты не гитлеровец, благослови тебя господь! (Осеняет его крестом.)

Швейк (не смущаясь). Не обижайся, мамаша. Я славянин, но ты не трать на меня своих благословений; я гитлеровский помощник.

Старуха. Храни тебя господь, сынок, ты говоришь от чистого сердца, помог нам в трудный час, поможешь и гитлеровцев побить.

Швейк (твердо). Хорошо бы... Но я по другой дороге иду, хотя и поневоле. А ты, мамаша, словно не слышишь, что я говорю.

Старуха (хотя дочь все время дергает ее за рукав). Ты нам поможешь супостата прогнать, спеша, солдатик, господь тебя благослови!

Молодая тянет старуху, они уходят. Швейк покачивает головой, шагает дальше. Настала ночь, на небе ярко засияли звезды. Швейк снова останавливается перед дорожным указателем и освещает его карманным фонариком. Удивленный, читает: "До Сталинграда 50 км" - и шагает дальше. Внезапно раздаются выстрелы. Швейк тотчас же высоко поднимает свою винтовку, собираясь сдать в плен. Но никто не выходит, и выстрелы затихают. Швейк в ускоренном темпе шагает дальше, а затем прекращает свой бег по кругу и, задыхаясь, усаживается у сугроба.

Швейк (поет).

А когда пришли мы в Ковно,

Нам устроили подвох:

Взяли с нас за стопку водки

Пару новеньких сапог.

(Трубка выпадает у него изо рта, он дремлет и видит сон.)

В золотом сиянии возникает постоянный столик Швейка в трактире "У чаши". Вокруг стола восседают: Копецка в подвенечном платье, молодой Прохазка в воскресной паре, Кати, Анна и Балоун. Перед Балоуном стоит полная тарелка.

Копецка. И вот на свадебном пиру вы получаете вашу порцию жаркого, пан Балоун. Вы дали клятву натошак, это делает вам честь, но для того, чтобы вы твердо держали клятву, мы решили, что несколько кусочков мяса 'будут вполне уместны.

Балоун (жуёт). Ем с удовольствием. Господи благослови. Господь сотворил все на свете - от солнца до тминной водки. (Смотрит в тарелку.) Да и грех ли это? Голубочки порхают себе, цыплятки зернышки клюют. Трактирщик, владелец "Гуса", знал семнадцать способов приготовления курицы. Пять под сладким соусом, шесть - под кислым, четыре - фаршированных; вино растёт из земли так же, как и хлеб, сказал священник в Будейовицах, когда его посадили на диету из-за сахарной болезни, он не мог больше кушать, и я больше не могу! В Пльзене, в тридцать втором году, я ел зайца в ресторане замка, - повар за эти годы успел богу душу отдать, так что вы уже никогда не узнаете, какого зайца мне довелось отведать - ничего подобного я больше в жизни не едал! Он был под соусом и с клецками. Это было нечто само по себе довольно обычное, но в соус было что-то положено, отчего вдруг клецки будто с ума посходили, собственно, и повар сам не совсем понимал, в чем тут дело, на него что-то нашло, и это было действительно славное блюдо, ничего подобного я в жизни больше не встречал, но повар помер и унес рецепт с собой в могилу, вот это был удар для человечества.

Анна. Не ропщи. Что бы теперь сказал на это милейший Швейк, - ведь у него, очень может быть, и печеной картошки нет.

Балоун. Это правда. Но всегда можно помочь себе в беде. В Пудоницах, когда моя сестрица выходила замуж, собралась целая куча народа. Тридцать человек сошлось в пудоницком трактире, парни и молодки, да и старики явились тоже. А чего только не подавали: суп, телятину, свинину, курятину, целых двух телят и пару жирных свинок - целиком, от головы до хвоста, с гарниром кнедлики и тушеную капусту бочками, и сперва пиво, а потом водку. Я только знал, что тарелка моя ни разу не пустела и что после каждого блюда я опрокидывал кружку пива или чайный стакан водки. И вдруг наступила тишина, как в костеле, - это когда внесли жареную свинину. Все это были хорошие люди, особенно когда они вот так сидели рядышком и наедались досыта, за любого я поручился бы головой. И, между прочим, самые разнообразные типы были среди них, к примеру скажем, судья из пльзенского окружного суда, в частной жизни совершеннейшая кровавая собака, особенно для карманников и батраков. Но человек за едой безвреден.

Копецка. В честь пана Балоуна я спою песню о "Чаше". (Поет.)

Заходи, любезный гость,
Здесь готовят вкусно.
Ты не пробовал небось
Бигос наш капустный?
Крышу надобно иметь,
Ковырять в тарелке снеть.
Все сполна получишь за
Восемьдесят грошей.
Мы тебе окажем честь
Без рекомендаций,
Если нос на роже есть,
Можешь наесться.
Словом, друг, приветлив будь,
Не гордись, не в этом суть,
Пиво сыром заедай,
Да скорей вноси свой пай:
Восемьдесят грошей.
Утром пьяницы встают:
- Как погода, дети?
Наш трактир - пивной приют

На земной планете.
Принят каждый человек,
Нам не страшен дождь и снег,
И пускай гремит гроза.
Ты обед получишь за
Восемьдесят грошей!
Все подхватывают припев.

Балоун. И когда они сказали моему дедушке, который служил счетоводом в налоговом управлении, когда они сказали ему в клинике на Панкраце, что ему следовало бы воздержаться, иначе он ослепнет, - покойный дедушка ответил: "Я досыта насмотрелся, но наелся не досыта". (Внезапно перестает жевать. Иисусе, только бы Швейк не замерз там, ведь там такие холода!

Анна. Он не должен ложиться. Как раз когда кажется, что тебе тепло, скорее всего можно замерзнуть насмерть, так говорят.

Трактир исчезает. Снова день. Началась метель. Швейк ворочается под снежным покровом, Слышится грохот танковых гусениц.

Швейк (выпрямляется). Чуть было не загнулся. Но теперь - на Сталинград! (Выбирается из сугроба и опять шагает.)

Из метели возникает громадный бронетранспортер с немецкими солдатами. У них белые, как мел, или синеватые лица под стальными касками, все они закутаны в самые разнообразные платки, меха, даже женские юбки.

Солдаты (поют "Немецкое miserere").

В один прекрасный день начальники нам приказали,
Чтоб вольный город Данциг для них мы завоевали.

На танках и самолетах без долгой канители
Завоевали Польшу мы ровно в три недели.

Господи, помилуй нас!

В один прекрасный день начальники нам приказали,
Чтобы Норвегию и Францию для них мы завоевали,

Норвегию и Францию без долгой канители

Завоевали мы для них аккуратно на шестой неделе.

Господи, помилуй нас!

В один прекрасный день начальники нам приказали,
Чтоб Сербию, Грецию и Россию для них мы завоевали,

Россию, Сербию и Грецию мы покорить хотели,

Два года там войну ведем, едва не околели.

Господи, помилуй нас!

А вдруг нам отдадут приказ так, мимоходом, по дороге

Завоевать морское дно и лунных кратеров отроги.

И так уже нам тяжело сражаться здесь, в степях

России,

Силен противник, стужа зла, снега мы кровью оросили!

Господи, помилуй нас,

Дай нам вернуться домой!

Бронетранспортер исчезает в метели. Швейк шагает дальше. Снова возникает путевой указатель, повернутый в сторону. Швейк проходит, не заметив его. Вдруг он останавливается и прислушивается. Потом он нагибается, тихо свистит и щелкает пальцами. Из заснеженного кустарника вылезает отощавшая дворняга.

Швейк. Я ведь знал, что ты там в кустах прячешься и все раздумываешь, вылезть тебе на свет божий или не стоит, правда? Ты помесь борзой с овчаркой, с некоторой примесью дога, - я назову тебя Аяксом. Не ползай и не дрожи так, я этого терпеть не могу. (Шагает дальше, сопровождаемый собакой.) Мы идем в Сталинград. Там ты встретишь еще других

псов, там их множество. Если ты хочешь пережить войну, держись в одной куче с другими, не выкидывай сверхпрограммных номеров, сиди смиренно, пока ты не сможешь кусаться. Война никогда не длится вечно, так же как мир, а когда война кончится, я захвачу тебя с собой в трактир "У чаши", но, как увидим Балоуна, тут нам нужно держать ухо востро, чтобы он тебя не сожрал, Аякс. Снова будут люди, которым понадобятся песики, и снова будут подделываться родословные, потому что любителям нужны песики чистой породы, - это чушь, но им так хочется. Не путайся у меня под ногами, не то получишь. Вперед на Сталинград!

Метель становится гуще, она скрывает их.

ЭПИЛОГ

Бравый солдат Гитлера - Швейк неумоимо идет по направлению к недостижимому Сталинграду, как вдруг из метели слышится нестройная музыка и появляется сверхъестественных размеров фигура Гитлера. Происходит историческая встреча

Швейка с Гитлером.

Гитлер.

Стой! Отвечай: ты друг или враг?

Швейк (приветствует его привычным жестом).

Хайтлер!

Гитлер (сквозь бурю).

Что? Не пойму ни слова.

Швейк (громче).

Я сказал хайтлер! Понятно вам так?

Гитлер.

Да.

Швейк.

Вьюга вздыбилась снова.

Гитлер.

Ты прав. Вихрь заводит волынку свою.

Узнаешь ли меня среди этой бури?

Швейк.

Простите, к сожалению, не узнаю.

Гитлер.

Я не кто иной, как твой славный фюрер!

Швейк, застывший с рукой, поднятой для приветствия, поднимает в испуге другую руку, винтовка падает на снег, кажется, что Швейк приготовился сдать в плен.

Швейк.

Святой Санкт-Йозеф!

Гитлер.

Вольно. Вы кто?

Швейк.

Я Швейк из Будейовиц, из района Влтавской излучины.

Спешу вам на помощь, потому что вы в битве

Сталинградской измучены,

Скажите мне только, где же находится

Сталинград?

Гитлер

Я и сам бы сказать тебе рад,

Но от большевиков мне достались в наследство

Разрушенные транспортные средства!

На карте линия от Ростова до Сталинграда

Короче мизинца, но вот досада!
Зима в этом году началась рановато,
Да и расстояние оказалось длинновато,
Не пятого ноября зима началась, а третьего,
Второй уж год здесь морозно и ветрено,
Зима норовит на нас все запасы снега вытрясти,
В этом я вижу пример большевистской
военной хитрости.
В данный момент, например, нет у меня
представления ни малейшего,
Где фронт и где тыл; знаю только: победа
удел сильнейшего!
Швейк.
Так оно и выходит на этот раз.
(Топают ногами и похлопывает себя рукавицами. Ему
очень холодно.)
Гитлер.
Господин Швейк, в случае гибели Третьей империи
Природа виной - условия-то нележки!
Швейк.
Ну да, я вам охотно верю:
Виноваты зима и большевики.
Гитлер (пристывает к длительным объяснениям).
История учит: всякий гнет свою линию.
Либо Запад, либо Восток,
Начнем разбор хотя бы с Арминия...
Швейк.
Разъясните-ка мне это по пути,
Мы замерзнем, если не будем идти!
Гитлер.
Прекрасно. Вперед!
Швейк.
Но куда же мы с вами пойдём?
Гитлер.
Попробуем-ка на север двинуться ходко!
Они делают несколько шагов на север.
Швейк.
Там снега навалило до подбородка.
Гитлер.
На юг тогда.
Делают несколько шагов в южном направлении.
Швейк (останавливается, свистит).
Там горы трупов - кругом беда!
Гитлер.
Тогда на восток в единый миг!
Они делают несколько шагов на восток.
Швейк (снова останавливается и свистит).
А на востоке стоит большевик.
Гитлер.
Факт!
Швейк.
Не пойти ли домой нам? Это осмысленный шаг.

Гитлер.

Там немецкий народ - мне туда ни в какую,
никак...

(Быстро движется попеременно в каждом из четырех
направлений.)

Швейк каждый раз отзывает его свистом.

Стезя на восток.

На запад стезя.

Стезя на юг,

На север стезя.

Швейк.

Вы тут очокуритесь в посвисте вьюг.

Но и уйти вам отсюда нельзя.

Попытки Гитлера двинуться одновременно по всем направлениям ускоряются.
(Запевает.)

Нет дороги тебе ни назад, ни вперед,

Ты банкрот в небесах и в аду банкрот.

Воет ветер с востока, тебе сгинуть веля,

Под ногами твоими горит земля,

Нет, не стоит стрелять в тебя - клятого гада:

Утопить тебя в пакостном нужнике надо!

Отчаянные телодвижения Гитлера переходят в дикую пляску.

Хор всех исполнителей, которые снимают маски и подходят к рампе.

ПЕСНЯ О ВЛТАВЕ

Течет наша Влтава, мосты омывает,

Лежат три монарха в червивых гробах.

Порою величье непрочным бывает,

А малая малость растет на глазах.

Двенадцать часов длится темная темень,

Но светлое утро нам явит свой лик.

И новое время, всевластное Время

Сметает кровавые планы владык.

Течет наша Влтава, мосты омывает,

Лежат три монарха в червивых гробах.

Порою величье непрочным бывает,

А малая малость растет на глазах.

К ПОСТАНОВКЕ

Центр сценической конструкции образует трактир "У чаши" в Праге со столиками из мореного дуба, стойкой, обитой медью, и электропианолой с откидной крышкой, в которой могут отражаться луна и колышущиеся воды Влтавы. В третьем акте Швейк мысленно и во сне видит лишь часть трактира, свой постоянный столик. Анабазис Швейка в этом акте происходит вокруг конструкции трактира, а протяженность марша может быть обозначена, например, то приближением и увеличением крестьянской хаты, то ее удалением и уменьшением. Интермедии должны быть выдержаны в стиле страшной сказки. Во всех интермедиях может выступать вся нацистская иерархия (Гитлер, Геринг, Геббельс, к которым иногда присоединяются Гиммлер и фон Бок). Сатрапы могут возгласами "Хайль!" акцентировать стихи.

КОММЕНТАРИИ

Переводы пьес сделаны по изданию: Bertolt Brecht, Stucke, Bande I-XII, Berlin, Auibau-Verlag, 1955-1959.

Статьи и стихи о театре даются в основном по изданию: Bertolt Brecht. Schriften zum Theater, Berlin u. Frankfurt a/M, Suhrkamp Verlag, 1957.

ШВЕЙК ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

(Schweyk im zweiten weltkrieg)

Брехт начал писать эту пьесу сразу после "Снов Симоны Машар", в начале июня 1943 г. Первое действие окончено 9 июня, второе - 16 июня; в основных чертах пьеса завершена 24 июня; в июле Брехт переработал текст. Впервые полностью "Швейк во второй мировой войне" был переведен на русский язык с рукописи (перевод И. Фрадкина и А. Голембы в кн. Бертольт Брехт, Пьесы, М., "Искусство", 1956). На немецком языке до того были напечатаны только небольшие отрывки и сонги из пьесы. Немецкий текст впервые опубликован в собрании драматургических сочинений Б. Брехта (Stücke, B. X, Aufbau-Verlag, Berlin, 1958).

Сатирическим романом Ярослава Гашека "Приключения бравого солдата Швейка во время мировой войны" (1921-1923) Брехт заинтересовался еще в 20-е годы. Тогда же он участвовал в работе авторского коллектива, который подготовил по роману Гашека пьесу для Эрвина Пискатора, поставившего ее в своем театре в Берлине при участии знаменитого Макса Палленберга в роли Швейка. Около двух десятилетий спустя Брехт вернулся к образу Швейка. В своем дневнике Брехт записал 27 мая 1943 г.: "Я читал в поезде старого "Швейка" и был снова поражен огромной панорамой Гашека, истинно отрицательной позицией народа, который сам является там единственной положительной силой и потому ни к чему другому не может быть настроен "положительно". Швейк ни в коем случае не должен быть хитрым, пронырливым саботажником, он всего лишь защищает те ничтожные преимущества, которые еще у него сохранились. Он откровенно утверждает существующий порядок, столь губительный для него, - поскольку он утверждает вообще какой-то принцип порядка, даже национальный, который выражается для него лишь в угнетении. Его мудрость разрушительна. Благодаря своей неистребимости он становится неисчерпаемым объектом злоупотреблений и в то же время питательной почвой для освобождения".

Уже в этой записи видна брехтовская концепция Швейка, который был для драматурга замечательным образцом народного типа. Швейк отнюдь не герой, он не способен на активное сопротивление, но, как справедливо пишет режиссер Адольф Дрезен, поставивший "Швейка" в 1963 г. в Грейфсвальде, "не оказывая сопротивление, он сам является сопротивлением... Здесь речь идет о "маленьком человеке", который дает "великим" основание для многих надежд и расчетов, чтобы их всех разочаровать. Они стоят на нем как на песке... Он подобен камню в мельнице: попав в колесо, камень выскакивает, ничуть не изменившись, а мельница поломана" ("Theater der Zeit", 1964, Э 2, S. 4). Б. Брехт подверг значительным изменениям образ гашековского героя. Сам он коротко и содержательно так формулировал принцип этих изменений: "По сравнению со "Швейком", который я написал для Пискатора, - то было простым монтажом романа, - нынешний "Швейк" (второй мировой войны) гораздо острее, в соответствии с различием между оседлой тиранией Габсбургов и нашествием нацистов" (цит. по кн.: В. Brecht, Leben und Werk, Berlin, "Volk und Wissen", 1963, S. 133).

Следует отметить, что роман Гашека был близок Брехту и всей своей сатирической поэтикой. Брехт нашел здесь столь важное для него "отчуждение", достигнутое характерным для Гашека доведением до абсурда официальной идеологии и фразеологии, а также принижением высокочественных церемоний карикатурно-бытовыми параллелями. Справедливо писал в одной из своих рецензий Эрнст Шумахер: "Метод Швейка в том, чтобы делать удивительное само собой разумеющимся, а само собой разумеющееся - удивительным. Он воплощенное отчуждение... Гротескное приобретает образ... Он представляет собой плебейское неуважение именно тогда, когда уважает весь порядок. В этой особой форме отрицания заключается его положительная позиция" (Ernst Schumacher, Theater der Zeit - Zeit des Theaters, Munchen, "Wissen der Gegenwart", 1960, S. 133-134).

Музыку к соавтор написал Ганс Эйслер, широко использовав мотивы чешского фольклора.

Первая постановка была осуществлена в Варшаве (16 января 1957 п.), вторая - в Любляне (Югославия). 1 марта 1958 п. состоялась немецкая премьера в театре г. Эрфурта

(режиссер Эуген Шауб, художники Зигфрид Бах и Рената Хельд, Швейк - Эрхард Кестер). Особый успех выпал на долю спектакля, поставленного в п. Франкфурте-на-Майне 1 июня 1959 г. (режиссер Гарри Буквиц, художник Тео Отто; роли исполняли: Швейка - Ганс Эрнст Егер, Анны Копецкой - Лола Мютель, Буллингера - Эрнствальтер Митульский, Балоуна - Ганс Дитер Цейдлер). В рецензии, озаглавленной "Вторая часть Швейкиады", Э. Шумахер высоко оценивал достижения театра, и прежде всего художника, - он "в декорации к "Интермедии в высших сферах" пародировал монументальность, которой нацисты так любили окружать свое появление". Исполнитель роли Швейка Егер играл не менее выразительно, чем его предшественник Макс Палленберг, однако совсем иначе - в соответствии с новыми задачами, которые Брехт перед собою поставил (Ernst Schumacher, Theater der Zeit - Zeit des Theaters, S. 134-135).

В феврале 1960 г. тот же режиссер Гарри Буквиц поставил "Швейка" в театре г. Эссена. Однако если во франкфуртском спектакле царила стихия веселого комизма, то в Эссене спектакль приобрел более резкое политическое звучание. Рецензент Андре Мюллер писал: "То были резкие, сильные удары молота, которые неизменно попадали в цель. Буквиц поставил антифашистскую пьесу, прямо соотнесенную с сегодняшними событиями, полную режущей, безжалостной агрессивности. Буквиц заострил ряд сцен и персонажей. Он до конца уничтожил всякий юмористический тон, он поставил кровавую пародию без тени юмористического компромисса. Эсэсовцы опасно глупы, они беспощадно подавляют сопротивление, и снова становится ясно, каким фашизм был и каким он остается" ("Deutsche Volkszeitung", 1960, 12 февраля).

Спектакль имел огромный успех, превратившийся в политическое событие. В цитированной рецензии А. Мюллер писал о премьере: "Театр гудел от энтузиазма. Занавес поднимался более 50 раз... В центре Рурской области, в Эссене, Брехт давал со сцены бой фашизму". Критика отмечала игру Ганса Эрнста Егера (Швейка), превзошедшего свое же франкфуртское достижение, а также игру Вилли Лейрера (Балоун), Хильдегард Якобе (пани Копецка), Михаэля Энке (Прохазка), Курта Галанского (Буллингер).

В ГДР с 1958 по 1962 г. "Швейк" был поставлен в театрах городов Эрфурта, Дессау, Галле, Циттау, Грейца, Герлица, Дрездена.

Значительным событием в театральной жизни ГДР стал спектакль "Берлинского ансамбля", премьера которого состоялась 1 января 1963 г. Он поставлен режиссерами Эрихом Ангелем и Вольфгангом Линцка. Роли исполняли: Мартин Флерхингер (Швейк), Отфрид Кнорр (Балоун), Гизела Май (пани Копецка), Герман Хисген (Буллингер). Рецензент Райнер Керндль отмечал, что это был спектакль "о мудрости народа, которую не обманешь, в его исконном, разоблачительном юморе, но также и о недостаточности пассивного лукавства в борьбе против активных угнетателей... В Швейке воплощен юмор маленького человека, который помогает с чистой совестью и целой шкурой уйти от преступников, но которого мало для того, чтобы остановить преступление" ("Neues Deutschland", 1963, 3 января).

"Швейк" имел большой успех и за пределами Германии. Особо следует отметить прославленный спектакль в "Пиколло театро" г. Милана (Италия), о котором критика писала как об одном из значительнейших театральных событий Европы в 1962 г.: "Пикколо театро" адресуется свои постановки не узкому слою театралов, а широким кругам зрителей. "Швейк" в этом театре нового типа прозвучал программным спектаклем" ("Deutsche Volkszeitung", 1962, 2 февраля). Другая немецкая газета писала: "В Милане Брехта поняли плодотворно, недогматично, творчески. Тут есть чему поучиться" ("Deutsche Woche", Munchen, 1962, 5 февраля).

Другой крупнейший театр Европы, тоже созданный в 1951 г. на основе идей Брехта, "Театр де ла сите" г. Виллербана, поставил "Швейка" в 1962 г. Режиссером спектакля был основатель и руководитель театра Роже Планшон: художник - Рене Алльо; роли исполняли: Швейка-Жан Буиз, Буллингера-Жан Лаврэ, пани Копецкой - Пиа Коломба. Критик Пьер Лакре писал: "Этот спектакль окончательно опроверг ложные утверждения, будто бы французские режиссеры бездумно копируют Брехта и "Берлинский ансамбль". Сохраняя

исторически конкретный характер брехтовских персонажей и событий, Планшоя создал такого Швейка и такую вдову Копецку, которые многими нитями связаны со славным старинным театром гиньоля" ("Theater der Zeit", 1962, Э 7, S. 56).

Из других зарубежных спектаклей назовем еще "Швейка" в Бухарестском театре комедии. Режиссер - Лучиан Джуркеску, художник - Дон Немцяну; роли исполняли: Швейка - Флорин Окэрлэтеску, Балоуна - Дем. Саву, Копецкой Тамара Бучучану-Вотез, Прохазки - Георге Крышмару, Бреттшнейдера - Георге Диникэ, Буллингера - ион Лучиан, Гитлера - Мирчя Шептилич. В октябре 1963 г., во время гастролей театра в Ленинграде, советский режиссер Р. Суслович, положительно оценивая спектакль в целом, писал: "Здесь есть настоящий брехтовский Швейк - Флорин Скэрлэтеску, великолепный актер. И то, что искал и нашел вместе с ним режиссер... все это на верной и плодотворной магистрали брехтовского театра... Но такой умный и талантливый Швейк достоин более сильных противников, чем те, коими он окружен в спектакле" ("Ленинградская правда", 1963, 18 октября).

В Советском Союзе "Швейк во второй мировой войне" был поставлен в 1963 г. в Молдавском музыкально-драматическом театре (Кишинев). Режиссер Валериу Купча, художник А. Шубин; роли исполняли: К. Штирбу (Швейк), Валериу Купча (Гитлер), А. Плацында (Балоун), Е. Казимилова (Копецка). И. Левяну (Буллингер), Б. Хасео (Лрохазка), М. Апостолов (Бреттшнейдер). Газета "Советская культура" писала об этом спектакле: "Самая сильная и глубоко впечатляющая сцена - в тюрьме. Она звучит как гимн борьбе всех честных людей против фашистского засилья... Спектакль поставлен очень оригинально и остро. Он средствами сатиры рассказывает о борьбе чешского народа с фашистскими оккупантами" (1963, 10 августа).

Стр. 170. Бенеш - президент Чехословацкой республики в 1935-1938 гг. и позднее, в 1946-1948 гг. В пору, о которой пишет Брехт, Бенеш находился в эмиграции в США.

Стр. 171. ...нас продали в Мюнхене... - 29 сентября 1938 г. Чемберлен, премьер-министр Англии, и Даладьё, премьер-министр Франции, подписали в Мюнхене соглашение с Муссолини и Гитлером о расчленении Чехословакии и передаче Германии Судетской области.

Стр. 172. ...для протектората. - Чехия и Моравия с 17 марта 1939 г. находились под властью гитлеровской Германии и официально назывались "протекторатом".

Стр. 173. Данциг - прежнее немецкое название польского города Гданьска, о присоединении которого к Германии мечтали гитлеровцы.

Стр. 174. Петчин - холм в Праге, на котором террасами расположен парк; в годы оккупации там находилось гестапо.

Стр. 176. "И петух прокричал в третий раз..." - Имеется в виду евангельский эпизод, когда апостол Петр предал Христа, своего учителя.

Стр. 178. Квислинг - главарь норвежских фашистов. Его имя стало нарицательным обозначением предателей своего народа.

Кламовка - сад в Праге, остаток поместья графов Клам-Галлас.

Стр. 181. ...в сквере у Гавличка... - то есть близ памятника поэту Гавличку-Боровскому (1821-1856).

Стр. 201. "Беседа" - чешский народный танец.

Стр. 207. Понтий Пилат. - См. примечание к стр. 343, т. III.

Стр. 213. Панкрац - район Праги, где расположена тюрьма.

Стр. 215. ...брак в Кане Галилейской. - По евангельской легенде, Иисус Христос на свадьбе в Кане Галилейской совершил несколько чудес - претворил воду в вино и т. п.

Стр. 216. Марш "Хорст Вессель" - нацистская песня.

Стр. 217. "Телки под музы к у"... - Ср. перевод Арк. Штейнберга "Бараний марш" в кн. Б. Брехт, Стихи, роман, новеллы, публицистика, М., ИЛ, 1956, стр. 138.

Стр. 222. Вотан - в древнегерманской мифологии бог войны.

Стр. 229. Miserere (О, сжался - лат.) - название покаянного псалма католической литургии (50-й псалом Давида).

Стр. 232. Арминий - предводитель херусков, организовавший восстание германских племен и в Тевтобургском лесу (I в. н. э.) одержавший победу над римской армией.

Стр. 234. Анабазис (путь в глубь страны - греч.) - так называется поход Александра Македонского в Азию.

Е. Эткинд